

18+

Багорт

ТОМ 2

Суворова
Анастасия

Анастасия Суворова
Багорт. Том второй

«Издательские решения»

Суворова А. В.

Багорт. Том второй / А. В. Суворова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-909202-1

Ян возмужал, Дея столкнулась с превратностями любви. Как им преодолеть произошедшую с их дружбой метаморфозу? Как забыть о вероломствах Влада? Как понять, кто друг, а кто враг, если все так перепуталось? Главные герои не выбирали кем родиться, но сами определили траекторию пути, и у каждого он будет свой. Три человека, служащие одной идее, три дорожки в некой плоскости бытия. Пути их будут пересекаться, и от соприкосновений этих полетят искры и возгорится пламя. Но что это будет за пламя?

ISBN 978-5-44-909202-1

© Суворова А. В.
© Издательские решения

Содержание

Багорт. Том второй	6
Пролог. Полвека назад	8
Прояснение	11
Чего хочет женщина	23
Праздник последней луны	30
Непреодолимая сила	37
Пламя высшего порядка	40
Начало игры	45
Фарфоровое сердце	49
Безумный день	52
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Багорт
Том второй
Анастасия Валерьевна Суворова

Анастасия Суворова *Иллюстратор*

Анастасия Суворова *Дизайнер обложки*

© Анастасия Валерьевна Суворова, 2020

© Анастасия Суворова, иллюстрации, 2020

© Анастасия Суворова, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4490-9202-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Багорт. Том второй

От автора

Здравствуйте, дорогие читатели! Перед вами завершающий том романа «Багорт». И коли Вы собрались прочитать этот текст, значит уже познакомились и с первым томом, за что я Вам искренне признательна.

Если Вам пришлись по вкусу мой слог и образ мыслей, спешу сообщить, «Багорт» не единственное мое произведение.

Еще раз хочется поблагодарить Вас за читательский труд, потому как самое ценное для любого писателя – это интерес к его работам.

Так же я хочу выразит благодарность тем людям которые поддерживали меня в моем начинании – моему мужу Роману и подругам: Марианне, Наталье и Соне. Цените друзей и родных, с их помощью невозможное становится возможным).

Приятного чтения).

Пролог. Полвека назад

У прибрежных скал Лонгвина, заселенных кланами Ведов разыгрывалась нешуточная буря. В огромном гроте, где устроили импровизированный зал советов, теснилось три десятка чародеев, не унимающихся уже третий час.

Обычно в этом угрюмом поселении царила тишина, гонимые простым народом чародеи жили замкнуто и скрытно, редко принимали отчаявшихся посетителей, что приходили за помощью, когда кроме Веда ее уже никто не в силах был оказать. Но сегодня в мрачном убежище колдунов разгорались нешуточные споры, волнения и метания. Пять Верховных Хранителей Багорта послали в Лонгвин весть с поистине царским предложением – переселиться угнетаемым Ведам в соседний континент, где их будет ждать теплый прием и особые привилегии.

Веды Лонгвина были наслышаны о терпимости багортцев к их племени и знали, что для своих колдунов те отвели место в большом совете. Но в то, что они окажут такие неслыханные почести чужакам, мало кто верил! Собравшиеся спорили о том, стоит ли принимать предложение Багорта или нет?

Морита Кария – черноволосая красавица с поразительными ониковыми глазами, дочь сильнейшего перворожденного Веда взирала на весь этот бедлам с тоской и отвращением. Ее попытки урезонить бесновавшихся соплеменников не увенчались успехом и когда на ее здравые доводы ей снова попытались втюхать туманные и весьма расплывчатые понятия о независимости и единстве кланов, она-таки не выдержала.

– Если вам нравится ваша промозглая, сырая дыра, живите здесь, а я хочу мир посмотреть!

– Не мир ты хочешь посмотреть, а себя показать, – отвечал ей со злобой седовласый, сгорбленный старик – ее отец и старейшина клана.

– Чего же в этом плохого? – парировала Морита. – Какой смысл быть выдающимся Ведом если ты не вправе применять свой дар в полной мере. Ты отец обладаешь способностями превосходящими мощь всего нашего клана, но что они тебе дали, кроме осознания собственного бессилия, в попытках переломить людские предрассудки? Лонгвин никогда не простит нам вековой войны между Ведами, в которой они пострадали. Здесь мы еще вечность будем гонимы из-за ошибки наших праотцов. Я не желаю больше прятаться! Я хочу познать свою силу в полной мере, хочу беспрепятственно пользоваться ею.

– Как ты не понимаешь, Морита, – обратился к ней мужчина, сидящий чуть в стороне от остальных, – это их место в совете, что они так любезно предлагают сильнейшим Ведам – жалкая уловка. На самом деле на тебя там будут смотреть так же косо, как и здесь. Только дома мы свободны от обязательств и принадлежим сами себе, а в Багорте тебя обяжут служить жалким, никчемным людишкам, да еще ограничат со всех сторон законами. Так что не думай о том, что ты сможешь там пользоваться своей магией беспрепятственно.

– Хранители Багорта хитры, – поддержал мужчину отец взбунтовавшейся Мориты. – Они понимают, что единственная сила способная противостоять ему в полной мере сосредоточена в Лонгвине. Серварг растратил своих чародеев, их кланы малы потому что «чистое воинство» слишком усердно гонялось за ведьмами, посжигав их в своих фанатичных кострищах. Ихор вообще не в счет – вся их ведовская мощь перекочевала к нам, сделав неуязвимыми. Багортцы прекрасно понимают, что если мы пойдем на них войной, никакие Хранители не уберегут их земли от пяти сотен озлобленных ведьмаков.

– Не все Веды Лонгвина будут участвовать в войне, если наши безумные правители решаться на нее, – возразила Морита. – С чего мне, например, поддерживать народ, который веками терзает мое племя?

– С того, что за победу нам отдадут половину багортских земель, – вступил в разговор немолодой, но еще крепкий мужчина, что сидел по правую руку от седовласого старца. – Я слышал о том, что наш наместник так жаждет заполучить Мрамгор, что готов отдать нам два граничных замка и оставить, наконец, в покое, если мы поможем захватить Багорт.

– Глупости! – бросила ему Морита. – Досужие сплетни! Наш наместник слишком жаден чтобы отдать два замка, а если он это и сделает, то все равно не оставит нас в покое. Вы как хотите, а я не намерена участвовать в войнах. Не забывайте о нашем предназначении – мы были призваны Источником для того чтобы нести свет знания, а не мрак и ужас разрушений, – добавила она чуть тише.

Мужчина что сидел в стороне ото всех поднялся и подошел к дочери первородного Веда. Несмотря на кажущуюся молодость, вокруг его тонких губ уже залегли глубокие морщины, что говорило о его улыбочивости. Но сейчас он был мрачен и его блестящие глаза, смотрели на бунтарку с тоской.

– Морита, не начинай, – проговорил он беря ее за руку. – Твое стремление вернуть нам былое величие по средствам служения, ни к чему не приведет. Ты растратишь на этих букашек свою драгоценную силу, а они тебе даже спасибо за это не скажут.

– Нет, Ихаиль, я не стремлюсь вернуть былое величие всему нашему племени, я хочу его для себя. И я поеду в Багорт, а ты если все еще любишь меня, не станешь удерживать.

– Морита! – прогремел старец, и в гроте на мгновение стало темно. – Ты не можешь покинуть клан!

– Никто не вправе решать за меня мою судьбу, – медленно проговорила Морита, пытаясь унять дрожь в голосе. – Я люблю вас всех, но себя я люблю больше и поэтому не откажусь от мечты, даже ради того чтобы остаться с семьей, – проговорила она смотря в глаза Ихаиля, а потом развернулась и стремительно вышла из грота прежде, чем успели ей возразить.

Опасаясь, что ее решимость даст трещину, Морита Кария, покинула родной дом в этот же вечер. Направилась еще молодая и амбициозная Ведунья не куда-нибудь, а напрямиком в столицу Багорта – белокаменный Мрамгор.

Прояснение

– В этом подземелье всегда страшные сквозняки, – проговорил Влад, оборачиваясь к дверям. – Ты увидела достаточно, нам пора возвращаться.

– Разве я не должна занять ее место? – прошептала Дея.

Вед продолжительно посмотрел на бледнеющую девушку. Глаза его, источали яд. Дея была уверена, что нет в целом мире человека, которого он ненавидел бы в эту минуту больше чем ее.

– Пойдем, – проговорил он глухим голосом, – пока я не передумал.

Она слотнула и, повинувшись его воле, молча направилась к выходу.

Дорога обратно, как это всегда и бывает, показалась короче, но угнетающее молчание и напряженность Влада, которую Дея чувствовала спинным мозгом, делали это путешествие настоящей мукой.

Когда они вышли за пределы замкового сада, Влад шедший впереди, наконец, обернулся к ней.

– Я могу снять кровное заклятие, – предложил он, одаривая Дею по-прежнему тяжелым, но уже не ядовитым взглядом. – Но учитывая твоё новое положение, зрячая кровь может тебе еще пригодиться.

– Что значит зрячая кровь?

– Ты связана с могущественной ведуньей, – пояснял он вымученно, – от меня-то уж не надо скрывать, что ты способна если не творить, то по крайней мере видеть чужие чары.

– Способна, – холодно отозвалась Дея.

– Учитывая, какую горячую любовь ты вызвала у жителей Мрамгора, а в особенности у его Хранителей, она тебе еще понадобится. Но этот сброд меня на самом деле мало волнует. Никто из них не посмеет открыто вредить тебе, а вот Ихаиль... – Влад не договорил, погрузившись в мрачное молчание.

– Ихаиль покинул приделы Багорта, – произнесла Дея, немного помедлив. – Мне посчастливилось видеться с ним перед его отбытием.

Влад криво усмехнулся.

– Ты всерьез думаешь, что его смогут остановить жалкие попытки наших кудесников, когда он прознает, что его план мести мне и Багарту провалился? Да он просачивается через все наши блокады, словно моль сквозь шерсть!

– Это правда, я лично в этом убедилась. Пока его отлавливали в окрестностях Мрамгора, он беспрепятственно проник в кабинет к Вайесу и имел наглость, ставить ему условия.

На лице Веда отразилось беспокойство, которое, впрочем, тут же сменилось апатией.

– Он самый сильный Вед, которого я когда-либо встречал, Дея, сильнее его только моя мать. Его можно было бы победить лишь хитростью, но и в этом он лучший из лучших.

Дея посмотрела на Влада исподлобья, а потом все же задала главный вопрос.

– Почему ты забрал нас?

– История будет долгой.

– Не дольше того времени, что я потратила на твои поиски. Начинай.

– Я не хотел бы...

– Мне плевать, чего ты там хотел, ты мне жизнь сломал!

Влад вскинул на Дею полный сожаления взгляд.

– История и впрямь будет долгой, не лучше ли нам убраться с дороги? Можем поехать ко мне, там никто не помешает, – предложил он, пряча глаза.

– Если ты думаешь, что после всего случившегося, я пересеку порог твоего дома – ты идиот. Говори здесь!

Влад криво усмехнулся и кивнул, усаживаясь на придорожный валун, Дея последовала его примеру, присев чуть позади Веда. Она не хотела смотреть на его бесстрастное лицо, к тому же боялась, что ее реакция спугнет рассказчика, и он замкнется в самый неподходящий момент. Пришел тот час, когда ей откроются все тайные механизмы, вращающиеся в душе ее злейшего врага.

– Как я тебе уже говорил, меня мучило не только желание отомстить жителям Багорта, но и Земле отплатить за то зло, что она принесла в мой дом. И конечно Ихаиль не смог не воспользоваться безумными идеями неоперившегося подростка, которые так удачно совпадали с его собственными планами касательно Багорта.

– А чем Ихаилю Багорт не угодил?

– Предложение, что полвека назад сделали главы Багорта лонгвинским Ведам, навсегда расколело их кланы. Ихаиль в те незапамятные времена пострадал не меньше прочих, ему есть за что ненавидеть наш дом.

– Ясно, – процедила Дея.

– Ты знаешь историю Белого острова?

– Да.

– Когда моя мать пыталась побороть младенческий мор, Ихаиль старательно имитировал активное участие в этом деле. И я наивно полагал, что раз он однажды уже помог ей, то не останется в стороне, когда ей грозило наказание. Я сам пришел к нему и попросил о помощи. У меня тогда уже был готов план по вызволению матери из темницы, не слишком изящный, зато дерзкий, – Влад усмехнулся. – Я собирался похитить ребенка из какой-нибудь крестьянской семьи и связать его со своей матерью кровным заклатьем, а после того как приговор приведут в исполнение, просто ждать. Я был уверен, что рано или поздно вся эта история с Белым островом поутихнет и я про Мориту Карию позабудут. И тогда я смогу подменить сосуд, поместив вместо матери подростка к тому времени ребенка. Месть ни в чем неповинной Земле в моем юношеском воображении, вообще выглядела до безобразия эпично. Решив похитить еще одного ребенка, я планировал наложить на него проклятье вызывающее звездный дождь. Я прознал, что на Земле люди защищают свои дома собственными силами и такую напасть как звездный дождь не смогут отразить. Погубить планету он, конечно не мог, но шороху должен был наведет порядочного, – Влад снова усмехнулся, а Дея возмутилась, что он с такой иронией рассказывает о своих зверских планах и даже имеет наглость ухмыляться.

Но выказывать свое недовольство она не спешила, нужно было дослушать историю до конца, тем более, что Влад уже продолжал.

– Но то, что в горячке я запланировал как собственное орудие возмездия, должно было стать местью Ихаиля, которой он собирался насладиться сполна через многие годы. Ирония была в том, что под удар попадали все, включая и меня самого. К тому времени я должен был немного подрасти и осознать всю нелепость своих импульсивных и неосознанных поступков продиктованных гневом. Итак, Ихаиль убедил меня в том, что оставлять ребенка с кровным заклатьем в Багорте не безопасно, потому как для него придется подыскать няньку, а лишние люди посвященные в нашу тайну увеличивали шанс разоблачения, который должен был повлечь за собой смертную казнь. Оставив же ребенка расти как ни в чем не бывало, дожидаясь удобного часа, мы тоже не могли. Рано или поздно кто-нибудь заметил бы, что дитя очернено заклатьем.

Мой наставник убедил меня, что надежней места чем на Земле для ключа не сыскать. Он сказал, что там есть специальные учреждения, в которых заботятся о детях сиротах. К тому же, он обещал поставить на сосуд дополнительную защиту. А если и этого мало, то ребенка, на которого мы собирались наложить проклятие, можно выбрать из Хранителей. Ну, что с того, что обрушиться звездный дождь на Землю не сейчас, а скажем лет через десять, говорил он,

зато за ключом будет кому присмотреть. Ихаиль обещал позаботиться о том, чтобы сосуд и его Хранитель не разлучались до тех пор, пока мне не понадобится ключ.

Похитить чадо из семьи Хранителей было задачей не из простых, поэтому я принялся искать внебрачное дитя с таким даром. Поиски длились почти месяц. И вот, наконец, мои старания увенчались успехом. В семье крестьянского плотника было много детей, а его жена, судя по тому что один из малышей имел ту самую ауру, какой обладают только Хранители, была не дура погулять. Но меня не интересовало благочестие мамыши, я нашел необходимое, правда, для того чтобы быть опекуном сосуда, ребенок был еще маловат. Но я решил, что защиты поставленной на вас Ихаилем хватит лет на пять, а там дар Хранителя уже начнет проявляться. Двухлетний крепко сбитый мальчик выглядел вполне здоровым, чтобы принять на себя то количество заклятий, которыми мы с лонгвинским Ведом, собирались его наградить. Ключ я решил взять в этой же семье. У плодovitой мамыши имелся прекрасный младенец, как нельзя лучше подходящий для этой роли. Вновь наведя сложные чары, которым меня обучил Ихаиль, я проверил не Хранитель ли новорожденный и, убедившись, что он обычный человек, остался доволен выбором. В конце концов, тянуть я больше не мог, очередное судебное заседание было назначено на ближайшую неделю, а это означало, что у меня всего два, три дня на подготовку. Что-то подсказывало мне, что это заседание станет последним, и матери вынесут приговор.

Выпросив у Вайеса последнее свидание с заточенной, я раздобыл у обессиленной матери кровь и приступил к приготовлениям. Похищение решили устроить во время последнего заседания суда, так как основные силы Ведов и Хранителей в этот момент должны были находиться в большом зале. На нашу с Ихаилем удачу многодетная мать пошла в этот день на речку, стирать белье с другими крестьянскими женщинами.

Разложив свои тряпки у берега, она трещала с подружками, в то время как дети предоставленные сами себе играли на поляне. Сначала в игру вступил Ихаиль. Будучи сильным Ведом, способным управлять стихиями, он вызвал бурю и пока все в панике носились по полю, пытаюсь собрать своих детишек, я уволок двоих.

После того как мы с Ихаилем похитили детей, у нас не было времени проверять ауры, оставалось всего несколько часов чтобы наложить необходимые заклятия и создать врата. Поэтому то, что в суматохе я перепутал младенцев, мы поняли только тогда, когда дело было уже сделано.

На следующее утро весь город обошла весть о том, что во время судебного заседания на прачек налетела невесть откуда взявшаяся буря и, смела половину кустарников, что росли вдоль реки, а когда стихийное бедствие прекратилось, недосчитались двоих детей. У жены крестьянского плотника, пропал сын и вверенная ей дочь Елизаветы Ладгальд – жены ее брата.

Жители еще долго пытались отыскать пропавших детей, но так как от них не осталось и следа, все решили, что малюток утащили волки и поиски все же прекратились. Твоя мать, не перенеся горя, вскоре скончалась, а отец покинул эти места и прожил еще несколько лет, прежде чем отправиться следом за ней.

Так Синий лес остался без Хранителей, а я вкусил первый отдающий душком плод своих стремлений. Мечтаниям о том, что всю эту громкую историю и саму Мориту Карию когда-нибудь позабудут, не суждено было сбыться. Напротив, люди упорно не желали забывать нашу семью.

Я ждал долгих семнадцать лет и, поняв, что ничего не изменится, если я прожду еще столько же, решил вернуть вас обратно. За прошедшие годы я осознал, что винить чужой мир за собственные беды бессмысленно, да и деревню этим уже не спасешь, поэтому решил вернуть обратно не только сосуд, но и Хранителя, думал, снять с него проклятие. Ключом же я по-прежнему собирался воспользоваться, как и было задумано, но меня ждало крушение всех надежд. Ихаиль, так старательно изображавший участие в судьбе Мориты, удивил меня, под-

ложив порядочную свинью. Я слишком поздно понял, что он тоже был одержим мстью и распространялась она на весь Багорт, включая саму Мориту и меня.

Откликнувшись на мой призыв и переместившись в Мрамгор, Ихаиль зарекался вернуть сосуд и Хранителя в условное место, но обещания своего не выполнил. Вместо этого он бросил вас как щенков в кольцо Ведов и позволил сбежать, обрушив тем самым на мою голову нешуточные проблемы. Сам Ихаиль тоже скрылся и пока я разбирался что к чему, вы успели спрятаться. А потом начался этот идиотский турнир, и город наводнили толпы приезжих. Как ты сама знаешь, парочек среди них хватало, – Влад тяжело вздохнул и повернул голову к Деи, посмотрев на нее уставшими, пустыми глазами. – Дальше ты все знаешь, – проговорил он поднимаясь.

Дея тоже встала, посмотрев на Влада так, словно видела его впервые. Только теперь, после этой длинной и развинчивающей его напыщенность исповеди, она по-настоящему ощутила страх. Перспектива оказаться на месте Мориты была поистине ужасающей. Она, наконец, стала понимать, к какой участи готовил ее этот красивый, загадочный и столь желанный молодой человек. Казалось, Дея должна была разочароваться в своем возлюбленном, но вместо этого ее будто удушливое облако стал обволакивать гнев. Он назревал, словно фурункул. И вот этот гнойник лопнул. Не помня себя от ярости, Дея набросилась на Влада и, повалив его на землю, обрушила с десятков ударов в грудь, своими острыми кулачками.

– Да провались ты в бездну, сукин сын! – выкрикивала она, захлебываясь слезами, неожиданно хлынувшими из нее, будто она была переполненной тучей. – Какое ты имел право распорядиться моей жизнью! Ты – моральный урод, эмоциональный импотент, самонадеянный кретин! Ты хоть представляешь, какую заварушку ты устроил! – шипела она, восседая на нем разъяренной фурией и тряся за грудки.

Не пытающийся уворачиваться от ударов Вед, дождался, когда Дея выместит на нем свой гнев, а потом притянул рыдающую девушку к себе.

Бешеный всплеск эмоций забрал у Деи последние силы, лишив способности сопротивляться. Вжавшись в упругую грудь Влада, она стала понемногу затихать. Всхлипы становились все реже, высвобождался разум загнанный в чувственную западню.

Осознав, наконец, что она разлеглась у самого тракта с тем, кого искала все эти месяцы, мечтая повесить на одной из своих елок, Дея поспешно вскочила на ноги, утирая заплаканное лицо. Влад тоже поднялся и теперь выжидающе смотрел на нее исподлобья. Перепаханный, включенный, с мученическим взглядом он не имели ничего общего с тем Владом, которого она знала до сих пор.

– Ты знал кто я, когда подошел ко мне на турнире, верно? – решила она задать терзавший ее вопрос.

– Нет, – просипел Влад.

– Всемогущий мраморный Влад не распознал во мне собственное кровное заклиние?! – желчно спросила Дея.

– Его не так-то и просто узреть, – начал он сдавленным голосом. – Без специально наведенных чар его не почувствуешь. Я принял тебя за провинциалку, прибывшую на состязания, чтобы сопроводить своего парня. К тому же, ты не создавала впечатление несмышленного подростка, я думал ты гораздо старше.

– Человек, который выглядит в свои тридцать два на двадцать, не подумал о том, что внешность обманчива?

– Ты права, это было глупо. Но, если честно, я не хотел даже представлять, что ты та, кого я разыскивал все это время. А когда я почувал неладное, было уже поздно.

– Что поздно?

– Не важно, – отмахнулся он. – Ты можешь возненавидеть меня, можешь убить, но изменить мною содеянное, ты все равно не властна. Ты особенная, Дея, необыкновенная, но ты всего лишь Хранитель, повернуть время вспять ты не в силах, – с горечью сказал он.

– А ты значит в силах! – взорвалась Дея. – Для этого ты искал хронодыры? – догадалась она. – Хотел отмотать время назад, до того злосчастливого суда или даже до того дня когда к Морите обратились за помощью жители деревни, от которой остался лишь остров, поросший дурманом?

– Да.

– А ты не подумал, что попав в прошлое, позабудешь то, о чем знаешь сейчас? Ведь ты не представляешь, как это работает.

– Но и ты этого не знаешь!

– Как ты себе это вообще воображал?! – распалилась Дея. – Что придешь к себе пятнадцатилетнему и скажешь, – «эй дружок, поумерь свой пыл, иначе ты рискуешь прослыть первоклассным уродом». А тебе не приходило в голову, что могут параллельно существовать несколько реальностей, в которых события разворачиваются согласно принятым нами решениям, и именно здесь и сейчас ты уже ничего изменить не сможешь? Мы с Яном так и останемся сиротами. Я по-прежнему буду ненавистна Хранителям за инакомыслие. А Ихайль продолжить шастать у границ Мрамгора, проедая словно моль наши защиты, чтобы однажды прийти и довершить начатое.

Влад продолжал смотреть на Дею исподлобья и молчать.

– Я хотела возненавидеть тебя, но ты не стоишь того, чтобы я засоряла этим чувством свое сердце, – выплюнула она в него едкие слова и яростно свистнула, подзывая Дорену.

Кобылка тот час прискакала и Дея умчалась прочь, ни разу не обернувшись на замершего Влада, провожающего ее взглядом.

Когда она подъехала к лесу, смысл всего происходящего уже осознался ею в полной мере, пересекая красным пунктиром ее жизнь, на «до» и «после». Гнев на Влада, словно кислота разъедал сердце, и череда нелюбимых видений мелькала у нее в голове. В одном из них она отдавала незадачливого мстителя своим Озерным девам, и они утаскивали его на дно, делая своим пленником. В другом – она разгромила весь его дом вместе с лабораторией. Но самым сладостным было представлять, как она разбивает дубиной его драгоценную зеркальную инсталляцию.

В лес она ворвалась выпущенной стрелой и если бы не Дорена, то налетела бы на ближайшее дерево. Встряска немного отрезвила Хранительницу, спешившись, она отпустила лошадь и пошла пешком. Сначала Дея хотела направиться напрямиком к русалкам и рассказать им все, что она узнала этим утром. Но представив, в какую ярость впадет лес, узнав кто виновник всех их бед, направилась в сторону дома, стараясь не касаться елей, ведь сейчас ей при всем желании не удалось бы скрыть своего негодования. А деревья могли прочесть все что она думает о Владе.

Мысли беспорядочно носились в голове взбесившимися птицами. Злость на Влада, предстоящий праздник, месть Ихайля. Она не могла сейчас позволить этой истории всплыть наружу. Неизвестно как на это отреагирует лес, не хватало еще скандала накануне праздника Последней луны, подготовка к которому и без того проходила не гладко.

На секунду она засомневалась, имеет ли право утаивать эту новость и от Яна? Но потом, явственно представив лицо друга, узнающего о том, кто является устройтеlem всего этого безобразия, она поняла, что имеет.

Девушка знала Яна как саму себя, он ринется на Влада без раздумий, и тогда начнется такая заварушка, которую уже и не остановишь. Одного из них она лишится точно, а возможно и обоих, ведь когда эта новость всплывет, Влада будут судить, а о суровости законов применяемых к Ведам она уже знала.

Боясь выйти из дому, не поведав ненароком лесу о случившемся, Дея так и просидела весь день у незажженного камина, пытаясь найти решение. Старательно запечатывая свои мысли в самых глубинах памяти, она готовилась к завтрашнему дню. Ей предстояло начать непосредственную подготовку к первой лунной ночи в ее лесу.

Поскольку лес простоял долгое время не востребованным, в нем скопилось много сушняка, и его Дея собиралась разрядить, устроив настоящие пионерские костры во время праздника. Но для того чтобы ее план осуществился, ей были необходимы дровосеки и их она намеревалась попросить у Вайеса, отправившись к нему завтра же. Пытаясь обдумать все детали предстоящих приготовлений в мельчайших подробностях, она яростно сражалась с беспорядочностью мыслей, метавшихся в ее голове. Черным мороком на нее ниспадали последствия сегодняшних событий, расслаивая ее душу. Сердце казалось, покрывается струпами, оно больше не желало быть ее составляющим, оно отчаянно рвалось наружу, мучая несчастную девушку.

Ей бы пойти к озеру, окунуться в его целебные воды, растворить свою боль, но нельзя. Единственно на что Дея могла рассчитывать, так это на спасительный сон, но он не шел к ней, как ни старалась она его призвать. Ворочаясь ночью в постели, Дея вдруг услышала, как в двери ее домика постучали. Сначала девушка подумала, что ей это слышится, но стук повторился. Зажигая дамбу, она спустилась вниз и, отворив двери, удивленно уставилась на ночного гостя.

– Вы позволите? – спросил глава Мрамгора, закутанный с головы до пят в темный балахон.

Дея кивнула, пропуская гостя.

– Я извиняюсь, что потревожил вас так поздно, но... Но... – Вайес запинаясь, не в силах подобрать оправдания столь позднему визиту.

– Да вы проходите, садитесь и балахон мокрый снимайте. Я разведу огонь.

Вайес разоблачился и сел, Дея оживив камин, устроилась напротив гостя.

– Говорите же, что привело главу Мрамгора к гонимой Госпоже Синего леса в ночи, – попросила она, стараясь улыбаться.

– Мне стало известно о проникновении в запрещенное крыло замка, туда где располагаются темницы. Влад единственный кому эти коридоры не дают покоя. Я пришел именно сюда, потому что вас с ним видели сегодня недалеко от замка. Мне доложили, что вы... Мм-м-м... Немного повздорили. Это правда?

Дея кивнула и скривила губы, представляя с каким аппетитом горожане, примутся смаковать эту пикантную новость. Какими колоритными подробностями обрстет этот анекдот, а главное, как на нее будут смотреть во время праздника.

– Это вы с Владом проникли в подземелье? – напрямую спросил Вайес.

– Да, – честно ответила Дея.

– Я осмелюсь спросить, зачем он вас туда водил? – проговорил Вайес дрожащим голосом.

– Он показывал мне темницу своей матери.

Вайес устало уронил голову в ладони и замер.

– Вы ведь знаете, зачем он меня туда водил, не так ли? – поняла Дея.

– Догадываюсь, – проговорил он, поднимая голову. – Если дела касаются Влада, то ничего нельзя знать наверняка.

Вайес на некоторое время замолчал, глаза его застыли, он ушел в себя, а потом, не меняя отсутствующего выражения лица, он заговорил снова.

– Влад рос трудным ребенком. Он всегда был импульсивным, неуправляемым, гневным, но подавал большие надежды в ворожбе. В магической школе ему не было равных, все ему давалось легко, к тому же он был ненасытен в своем стремлении познать как можно больше в области магии. Но было нечто, с чем он справлялся хуже своих сверстников, а точнее не справлялся вовсе. Он не умел контролировать свои чувства, был очень вспыльчив, и уже

тогда пугал всех своей изощренной изобретательностью. С ним почти никто не хотел знаться, кроме Адель. Она была единственным ребенком, способным переносить его вспышки неконтролируемой ярости. Впрочем, они никогда, насколько я знаю, не были направлены на нее. Адель не являлась ни Ведом, ни Хранителем, она была просто очень терпеливым и удивительно смысленным ребенком, готовым участвовать в самых опасных экспериментах своего друга. Влад был к ней привязан, однажды он лишил дара речи мальчишку, который не лестно отозвался о происхождении Адель. Ему было всего тринадцать лет, а он умудрился сплести такое заковыристое проклятие, что никто не смог его нейтрализовать.

Но Адель умерла, она была из той самой деревни, что превратилась в Белый остров. Горе Влада оказалось столь сильным, а неспособность справиться с ним настолько разрушающей, что он чуть было не умер от разрыва сердца. Мать откачала сына, с трудом вернув к жизни, но те несколько секунд, на которые сердце Влада остановилось, навсегда изменили его живую и страстную натуру. Морита сама потом говорила, что вернула к жизни лишь слабую тень своего мальчика и то, что умерло в нем в тот день, не в силах воскресить уже никто.

Будучи уже способным Ведом, он пустил все свои душевные силы на преодоление эмоциональных всплесков. Так мальчик ураган превратился в мраморного Влада. Когда его постиг новый удар (он узнал, что его мать будут судить за историю с дурман травой), Влад уже мог ели не контролировать, то по крайней мере прекрасно скрывать от других свои чувства. Он стал скрытен, злопамятен, горделив и обратил свой дар против Багорта и того места откуда его мать принесла проклятие, отнявшее у него все, что он любил, – Вайес снова затих, а потом вздохнув сказал. – С ним всегда было тяжело, особенно после того как я лишил его матери.

Дея смотрела на Вайеса, который выглядел совершенно опустошенным. Уставив чугунный взгляд в пол он, казалось, с трудом сдерживал слезы. Сейчас он не походил на того Вайеса, которого она знала. Всегда сдержанный и учтивый глава Мрамгора распадался на куски, словно рухнувшая с карниза замка, мраморная статуя. И Дея задумалась, от чего его так тревожит судьба взбалмошного Веда? У всех от него одни неприятности, если это слабое слово могло хоть как-то отобразить тот хаос, что он вносил в жизни людей, к которым имел хоть малейшее сношение.

– Дея, я пришел сказать, что вы вправе требовать суда над Владом, за совершенные им преступления, – проскрипел Верховный Хранитель, безуспешно стараясь придать своему голосу официальность.

– Я не стану обречать вас на вынесение приговора собственному сыну, – проговорила она внимательно посмотрев на гостя. – Достаточно того, что вы скорбите по его матери.

Вайес вскинул голову и посмотрел на Дею взглядом осужденного на смертную казнь, который только что узнал о помиловании.

– Я сам себя выдал?

Дея кивнула, с состраданием посмотрев на Верховного Хранителя, поразились, как раньше не догадалась, что за важной фигурой мог оказаться отец Влада, если его гнева опасался сам Горий. Ни вкрадчивый бархатный голос, ни пристальный взгляд и своеобразная вытянутость во всем образе и Веда и главы Мрамгора, не навели ее на мысль о родстве. Ее сбила с толку снежная седина Вайеса и дружелюбный настрой, общительность и умение располагать к себе. Эти качества у Влада если когда-то и были, то полностью атрофировались, за ненужностью.

– Как вы поняли, что я все еще тоскую по Морите? – спросил Вайес совсем уж просто.

– Никак, – честно ответила Дея, – просто предположила. Ее нет с вами уже семнадцать лет, а вы так и не женились, да и внимания к женщинам я в вас не заметила.

– На самом деле Верховные Хранители редко обзаводятся семьей. У нас отсутствие жены – положительный фактор. Считается, что у правителя не должно быть слабостей, а семья может ею являться. Были случаи, когда враги государства влияли на политику, угрожая близ-

ким Хранителя. Меня прочили на место главы Мрамгора как человека без слабостей, но они у меня были и, пожалуй, посерьезней чем у многих, – Вайес усмехнулся, так же как это утром делал Влад. – Любимая женщина, требующая скрывать нашу связь, да сын, оказавшейся взрывной смесью замедленного действия, к тому же не ведающий о нашем с ним родстве. Я рассказал ему свою тайну, только когда он лишился матери. Хотел хоть как-то подбодрить парня. Одно дело мамин друг, принимающий участие в его судьбе, другое – понимание, что ты не один и у тебя есть родной человек. Но он к тому времени уже натворил дел, о которых я до поры не знал.

Когда мне сообщили о том, что на границе нашли двоих странно одетых подростков, я велел в тайне, минуя главу охраны доставить вас прямиком ко мне.

– А вот скажите мне, кстати, – перебила Вайеса Дея, – почему о нашем появлении сообщили именно вам? Разве у главы Мрамгора нет более насущных забот?

– Видите-ли, – начал Вайес, – после истории с Белым островом, я отдал приказ, сообщать о проникновениях с Земли мне лично. Боялся очередной угрозы.

Мне Морита рассказывала о людях, что на Земле живут, а когда я узнал ваш примерный возраст, у меня в голове будто прояснилось. Мне еще семнадцать лет назад, каким-то странным исчезновением детей показалось. Я решил ждать подтверждения моих догадок, и они оправдывались. Сначала Ян, затем и вы.

– Вы морочили нам голову, говоря, что ничего не знаете о Земле, – пожурила его Дея.

– Разве мог я рассказать вам все, не разобравшись в это истории окончательно?

– И вы знали, что это Влад устроил весь этот бардак? – как можно мягче спросила Дея.

– Знал, – признался Вайес, – точнее подозревал, но проверить никак не мог. Он не предсказуемый, я его хуже вашего понимаю, – оправдывался глава Мрамгора. – Кто его знает, как онотреагирует, если его в лоб спросить, а тут еще непонятности с этими свиданиями. В общем, я запутался и ни в чем уже не был уверен, особенно когда он дал вас спокойно из своего дома увести, целую и невредимую.

Деи было больно смотреть, как распинается перед ней Верховный Хранитель, представлявший несчастным отцом. Она понимала, что он не меньше чем они с Яном пострадал от Влада. Может в том, что его сын вырос таким, была отчасти и его вина, а может и нет, теперь уже не уяснишь. И все же, Деи жаль было Вайеса.

– Ладно, не оправдывайтесь передо мной, в конце концов, он ваш сын, а выбор между делами государственными и делами семейными никогда не бывает простым. Я не виню вас, я только прошу держать это втайне от Яна. Думаю, вы догадываетесь, если он узнает, кто все это устроил, катастрофы вселенского масштаба не избежать.

Вайес согласно закивал, а потом неожиданно спросил.

– Как вы думаете, ее еще можно спасти? Я уже сомневаюсь, что поступил правильно. Может, упокоение все же было бы милосердней?

– Вы же знаете, Вайес, изменить можно многое, пока человек еще жив – Помедлив, она добавила, – я знаю, как помочь вашей Морите.

– Нет, ни в коем случае! – вскричал глава Мрамгора. – Должен быть другой способ.

– За семнадцать лет вы его так и не нашли.

– Да, вы правы, – он снова сник, – зато мой сын нашел.

Вайес криво улыбнулся одними губами, и Дея узнала в этой улыбке Влада, снова поразившись, как она раньше не замечала этого сходства. Может потому, что Вайес не представлял перед ней в образе простого человека со своими страхами и переживаниями, а всегда был лишь главой Мрамгора и ее опекуном.

– Я обещаю вам, что потребую от Влада покинуть Багорт, – неожиданно выпалил он.

– Нет, – перебила его Дея, порывисто хватая за руку, – если он именно таков как вы говорите, то мы совершим ошибку. Я не хочу, чтобы от его бесконтрольного гнева пострадал кто-нибудь еще.

– Дея, я могу попытаться защитить вас от кого угодно, но не от сына, ведь помимо магии у него есть поразительная способность, красть чужие сердца.

– С этим мне предоставьте справляться самой, – гордо заявила Дея. – У нас есть враг посерьезней Влада. Ваш сын сказал, Ихаиль захочет завершить начатое, когда прознает, что его план мести дал трещину. Не объясните мне, кстати, чем так насолил Багорт этому могущественному Веду с враждебного континента?

Вайес с минуту помолчал, обдумывая, стоит ли раскрывать столь долго хранимую тайну, но потом все же заговорил.

– Это началось очень давно, почти полвека назад. Нам грозила война с Лонгвином, и тогда Верховные Хранители Багорта посоветовавшись, нашли решение. Они подумали, что если лишат Лонгвин их основной силы, которая заключалась в многочисленных кланах Ведов, то смогут если не предотвратить, то хотя бы оттянуть эту войну. Жители Лонгвина все еще не простили (в отличие от нас) ту кровавую бойню, что устроили Веды много веков назад, и всячески ущемляли права колдунов. Потому-то они там и жили в кланах, опасаясь перемещаться поодиночке. Мы же предложили им достойный их дару прием и места в совете. Многие согласились и перебрались тогда жить в Багорт, но не из клана перворожденного Веда Кариго. Из того клана ушла только его дочь, оставив своего мужа Ихаиля.

– Ихаиль муж Мориты? – воскликнула Дея.

Вайес посмотрел на ошарашенную Дею и его губ коснулась скорбная улыбка.

– Вы вправе знать всю историю, вы пострадали от этого соглашения с лонгвинскими Ведами не меньше прочих. Я расскажу вам, – проговорил Вайес. – Как я уже сказал, клан Кариго в Лонгвине покинула лишь его дочь. Ее действительно, как и обещалось ждал теплый прием, а спустя несколько лет и место в совете. Морита была натурой противоречивой, жрецы видели в ней отзывчивого, сострадательного к чужим бедам человека и сильную Веду, но был один человек, знавший и другие ее стороны.

– Это вы о себе?

– Да, – протянул Вайес, улыбаясь воспоминаниям. – Я был молод, мне шел тогда двадцать пятый год. Морита говорила, что полюбила меня за тягу к наукам, живой ум и невероятно проникательный взгляд, – он усмехнулся, посмотрев на Дею как-то по-новому, молодыми, лучистыми глазами. – Верховный Хранитель Мрамгора Казимир отличал меня и судя по тому как загружал работой, таская повсюду за собой, уже тогда готовил на свое место. Не смотря на то, что по меркам Ведов Морита была еще довольно молода, я казался ей слишком юным и все же на мое удивление притягательным. Она могла получить мою любовь с помощью ворожбы, но решила быть честна и добилась своего как обычная женщина, что впрочем, не составило для нее особого труда. Я был молод, не искушен и конечно искренне поражен симпатией северной красавицы, чьи драгоценные глаза затмевали разум и более опытных мужей.

Морита получила желаемое – я был поглощен той безудержной страстью, на которую способны только неиспорченные чрезмерным вниманием юнцы. Единственное, что омрачало мою любовь – это требование Мориты держать нашу связь в тайне. Необходимость скрываться удручала и ее саму, но отношения с простыми людьми у Ведов не приветствовались. Морита занимавшая высокое положение в совете, не хотела портить репутацию, выставляя напоказ женскую слабость даже тогда, когда на свет появился Влад.

Долгие пятнадцать лет прожила она со своим сыном в поместье, что ей преподнес за труды Верховный Хранитель Казимир, пока не случилась история, навсегда изменившая наши жизни.

В тот незапамятный год, когда она в тщетных попытках победить младенческий мор, перепробовала все известные ей способы и была уже готова сдаться, к ней пришел я (уже будучи главой Мрамгора). Я попросил ее обратиться за советом к ее бывшим братьям. Она знала, что этот поступок может повлечь за собой определенные проблемы, но у нас не было выбора. Жрецы Багорта не сталкивались с такой напастью прежде, и не известно к чему могла привести наша неспособность предотвратить мор.

Так было принято решение, повлекшее за собой череду тяжелых и разрушительных событий.

Все те годы, что Морита прожила в Багорте, оставленный Ихаиль ждал, когда ей, как и прежде понадобится его помощь. Он верил, что рано или поздно этот час настанет. И он настал. Но к этому времени сердце его уже было отравлено ненавистью. Он не долго думал, прежде чем откликнуться на зов Мориты, поняв, что это его шанс расквитаться и с бывшей женой и с самим Багортом так бесцеремонно отнявшем ее у него.

Он разыграл смирение пред судьбой, уверив Мориту, что рад ее благополучию и старательно изобразив участие, действительно нашел решение проблемы, в простом, но действенном методе; а именно в изготовлении зелья. Злосчастный цветок, которому было суждено уничтожить зажиточную деревню, в рецепт он ввел намеренно. Ихаиль знал, что растение, которое он собирался привести в Багорт, прекрасно приживется в наших землях и станет для Мрамгора настоящим проклятием. Он надеялся, что это заставит Мориту вернуться домой, так как багортцы никогда не простят ей того, что она навлекла на их столицу такую беду. Но он и не подозревал, что наши законы столь суровы. Мрамгор отделался потерей всего одной деревни, а дело его все еще любимой жены дошло до суда. Тогда-то ему и открылась тщательно хранимая ею тайна. Одним пасмурным, ранним утром, к нему пришел шуплый долговязый мальчуган с ее глазами, и попросил о помощи. Не смотря на сдержанность и холодность парня, от Ихаиля не укрылась его внутренняя кипучесть и противоречивый нрав, доставшейся по наследству от матери. «Ох, и напляшетесь вы с этаким кудесником», – сказал он тогда мне лично.

– Д-а-а-а, – протянула Дея, – вы действительно не предотвратили войну, а всего лишь отложили на время. А еще настроили против себя не только правителей Лонгвина, но и их Ветов.

– А Влад поспособствовал тому, чтобы вновь ее развязать, – с горечью добавил Вайес.

– Бросьте вы! Я не хочу оправдывать Влада, то что он сделал – чудовищно, но Ихаиль просто воспользовался удачно подвернувшимся случаем, чтобы навредить ненавистному континенту. Неужели вы думаете, что не встретить он тогда вашего сына, то не придумал бы чего похуже?

– Да вы правы, – задумчиво протянул Вайес, – и Влад прав – Ихаиль вернется.

– И мы должны встретить его вместе.

– Что вы намерены с ним сделать, если удастся его поймать?

– Вы знаете, у меня не так много карательных приемов.

Вайес согласно покивал, а потом заговорил сам с собой.

– Да, история постоянно повторяется...

– Но ведь мы уже знаем, к чему приводят те или иные поступки, а значит, можем попытаться все исправить, предотвратить опасность, – неуверенно проговорила Дея.

– К сожалению, не все, – печально изрек Вайес, – иначе истории не повторялись бы. Человека мы исправить не можем, не в одночасье.

Они замолчали, погружаясь в невеселые думы, а когда Вайес встал, собираясь уходить, Дея обратилась к нему с мучавшим ее вопросом.

– Почему он не обменял меня на мать? Ведь на деле его интерес ко мне, оказался исключительно практическим.

– Когда он вас похищал, ослепляющая ненависть и жажда мести застилали ему глаза, придавая решимости. Но закончить начатое по истечению столь долгого времени, смотря при этом в глаза невинной жертве, обрекаемой на страдания – совсем другое дело.

– Влад не из тех людей, что останавливается на середине пути.

– Да это так, и будь на вашем месте кто-нибудь другой, он вряд ли бы остановился. Но я подозреваю, что он жестоко наказан за свою ошибку юности любовью к вам.

Не в силах больше сдерживаться, Дея вскричала:

– Почему же тогда он выбрал Родмилу?

– С ней ему проще, – предположил Вайес.

– Чем же сложна была для него я?

– Думаю дело не только в вас самой, просто он отвык от столь сильных переживаний. Ему с вами не забытья. Для него быть влюбленным, все равно, что остаться без кожи. Сама Морита считала, что ее мальчик, способный на безоглядную любовь, умер. Если вы и смогли вернуть ту страстность и горячность, что была в нем восемнадцать лет назад, то эта необузданность, скорее всего снова убьет его.

Вайес протяжно посмотрел в лицо растерянной девушки, а потом подошел и по-отечески обнял.

– Я не в праве вам ничего советовать, моя дорогая, потому что и сам не знаю, как быть с Владом. Иногда мне кажется, что я с легкостью справился бы с остальными четырьмя замками Багорта, свались они на мою голову, нежели с собственным сыном.

Когда Вайес ушел, Дея вспомнила, что совсем позабыла спросить его о Яне и попросить помощи в устройстве праздника. Ну что ж, придется завтра прогуляться в замок, решила она, отправляясь в постель.

Чего хочет женщина

Вот уже третий час к ряду Ян гонял замученного Сеслава по площадке, обрушивая на того беспорядочные удары меча. Сеслав неплохо владел оружием, к тому же был ловким, быстрым и выносливым, но даже несмотря на все эти достоинства, он изрядно измотался и стал пропускать удары. В Яна же, казалось, вселилось сто буйволов, он носился по площадке с ошалевшими глазами и, не зная усталости, наносил один удар за другим, уже переставая помнить о том, что бой тренировочный. Когда он чуть было не оттяпал другу руку, навалившись на него всем своим недюжим весом, парень не выдержал и вдарил вопреки правилам, напарнику по морде.

– Слушай, Ян, – возмутился он, – если у тебя что-то случилось, лучше отправиться в «Пьяного быка» и поговорить по душам, а не бестолково махать мечем, пытаясь зарубить лучшего друга.

– Извини, – буркнул тот, отшвыривая меч в сторону, – я и правда не совсем в порядке.

Сеслав поднял меч друга и, вдев его в ножны, повел Яна в город. Когда ребята вышли на тракт, до их слуха донеслись голоса, которые Ян тут же узнал. Поспешив в сторону говоривших, он замер, пораженный увиденным. Всегда спокойная и сдержанная Дея, кидалась на ненавистного Веда как заправский боксер. Повалив его на землю, она нещадно колотила своими маленькими кулачками по тощей груди Влада. Тот же стоически принимал удары, даже не пытаясь защищаться.

Ян не знал, чем могла обернуться вся эта история если бы не Сеслав, который оттащил его за ближайший кустарник и наказал сидеть тихо и не высовываться. Кусты были довольно далеко и Ян не мог расслышать, о чем конкретно говорили Вед и его подруга, но судя по интонациям, разговор был не из приятных. Наконец, послышался знакомый свист, а за ним и топот удаляющихся копыт. Ян дернулся с места.

– Стой, не ходи, – попросил Сеслав, видя высокую фигуру в черном, стоящую к ним спиной и смотрящую на удаляющуюся девушку. – Пусть он уйдет.

– Почему?

Сеслав покачал головой, поражаясь несообразности друга.

– Великого и могучего Влада только что побил девчонка! Да это же позор! Ты только представь, как он на тебя озлобится, если узнает, что ты был свидетелем этой красочной сцены.

– Плевать! Ты сиди тут, а я все-таки выясню, что здесь за мексиканские страсти бушуют.

С этими словами Ян решительной походкой направился в сторону Влада, по-прежнему стоящего к нему спиной.

Заслышав шаги, тот обернулся и бросил брезгливый взгляд на парня.

– Что у вас тут произошло? – требовательно спросил Ян.

– Да так, – лениво ответил Влад, – повздорили. Не беда, милые бранятся – только тешатся.

Ян почувствовал, как в нем все наливается злостью.

– Дея знает о твоих шашнях с Родмилой. Вряд ли она может считать тебя милым.

– Думаешь, изучил ее как самого себя?

– Я знаю Дею лучше, чем она сама себя знает. А, что о ней известно тебе, кроме того, что ты видишь глазами!

– А ну конечно! Такого высокодуховного парня как ты привлекли в ней не раскосые глаза и пышные локоны. И уж конечно не очаровательный изгиб тонких ножек, так похожий на символ, олицетворяющий все неизвестное. Тебе на ее нежные прелести вообще плевать. Только неистово бьющееся сердце, под шнуrowанным лифом интересуется благородного Яна.

В ушах у парня зазвенело, а солнце, казалось, стало жарить с десятикратной силой. Он хотел схватить этого холеного выскочку за грудки и разбить его точеную физиономию, собственным лбом.

Откуда, откуда он мог знать, об этом женственном изгибе Деиных ножек, что и впрямь походили на пресловутую букву «х». Этот ее крошечный изъян, как и все прочие он, будучи влюбленным, воспринимать как очаровательные и даже пикантные особенности. Эти самые несовершенные совершенства так тщательно собираемые им, служили доказательством того, что она не эфемерное сказочное видение, а живая и настоящая. И эти детали всегда принадлежали ему и только ему! А теперь он чувствовал себя обкраденным. У него похитили его тайное сокровище. Деин образ, вызываемый в памяти долгими бессонными ночами, теперь принадлежал еще кому-то.

Пока Ян примерялся, с какой стороны ударить по физиономии Веда, тот изучающе взирал на парня, готового взорваться в приступе ревности. По его непроницаемому лицу нельзя было определить, доволен ли он выходкой? И хоть Ян не верил, что всегда холодный и сдержанный Влад, может испытывать какие-то эмоции, сейчас он страстно надеялся, что Дея заставит этого ледышку испытать весь спектр малоприятных чувств.

Наконец, игра в гляделки закончилась и одарив Яна прощальной, презрительной улыбкой Влад развернулся, подзывая своего коня, но в этот момент, Ян схватил его за шиворот и резко развернув, впечатал-таки свой увесистый кулачище прямо в тонкий нос Веда.

По лицу удивленного Влада потекла кровь, и глаза налились неприкрытой ненавистью. На кончиках пальцев замерцало белое свечение, и еще до того как он успел выкинуть вперед руку, Ян отлетел к кустам, с треском приземляясь на своего притихшего друга.

Влад подошел к распластавшемуся на земле парням и, склонившись над Яном, прошипел в самое ухо.

– Она никогда не будет с тобой. Твои старания заполучить ее, походят на жалкие попытки овладеть молнией.

– Ну конечно, девушка гроза подвластна только Веду, – саркастически бросил Ян.

– Гроза неподвластна никому.

– А что твои коварные приворотные чары? На нее они не действуют? – желчно выпалил Ян.

– Я и не пытался их использовать, наша борьба была честной. Я даже дал тебе фору, – Вед горестно улыбнулся и пошел прочь, утирая с лица кровь.

– Тьма знает, что такое, Ян! – возмущался Сеслав, поднимаясь с земли и отряхивая запачканную куртку. – Ты хоть представляешь, какого врага мы с тобой сейчас нажили?

– Не хочу тебя расстраивать, но я нажил его еще на турнире?

– Извини, друг, но ваши сердечные дела – это ваши дела, а теперь он еще и на меня обозлится.

– На тебя-то за, что?

– Да хотя бы за то, что был свидетелем ваших разборок!

– Да брось, Сеслав, он тебя и не заметил даже, – успокаивал друга Ян. – Видал как его трясло от злости? А я то думал, что он и впрямь мраморный. Ну, задаст ему моя подруженька! – азартно потирая руки, воскликнул довольный Ян. – Что же у них там все-таки произошло? Никогда не видел Дею в таком бешенстве.

Вся эта встряска удивительным образом подняла молодому Сагарту настроение. Ян не был склонен копаться в причинах событий, что творились вокруг него, а потому не стал допытываться о глубинных смыслах происходящего и сейчас. Его подруга обругала и поколотила ненавистного ему Веда, и это обстоятельство сейчас грело ему душу, одаривая призрачными надеждами. Подхватив свой меч, он встряхнул Сеслава и направился вместе с ним бодрым шагом в «Пьяного быка»

В трактире ребята изрядно надрались. Как Ян вернулся к себе, он помнил весьма смутно, благо никаких происшествий сегодня не было, и его никто не корил за незапланированный выходной. Хотя когда они вечером наткнулись на Вайеса и тот, завидев, подпирающих друг дружку ребят, пробирающихся в замок с бокового входа, спросил по какому поводу банкет, Ян думал, что нагоняя не избежать. Но пьяненький Сеслав объяснил Вайесу, что мол, его друг сегодня подрался с Владом. Тогда глава Мрамгора потребовал объяснений, которые незамедлительно и получил. А узнав, что Влад и Дея были сегодня утром недалеко от замка, да еще и повздорили, он не говоря ни слова, припустил к себе (надо отметить довольно бодро для свои лет).

Пока Вайес взлетал по мраморной лестнице, поддерживая полы своей накидки, Ян смотрел ему в след и понимал, что что происходит нечто очень важное. Правда эта здравая мысль растворилась в его нетрезвой голове, как только глава Мрамгора скрылся за поворотом. И когда Ян добрался до своих комнат, он уже забыл о столкновении с Вайесом, и думал только о том, как не промазать мимо кровати. Не без труда добравшись нее, он улегся, погружаясь в богатырский, расхрапистый сон. Сеслав приземлился на диване в каминной и, последовав примеру друга, тут же отключился.

Но сон любителей пива чуток и краток, а потому ребята проснулись, как только рассвело. До завтрака было еще далеко и они пошли, а точнее поплелись, в хозяйственную часть замка в поисках живительной влаги. Отыскав бочку с дождевой водой, друзья напились и, чувствуя, что больше не в силах передвигаться, пали жертвами физического недомогания подле нее.

Ян понял, что задремал, когда вокруг них началась кокая-то суета. Разлепив припухшие глаза, он увидел с десятков мужиков, суеющихся над огромной телегой, в которую они скидывали различный инвентарь, в основном пилы и топоры.

Он растолкал Сеслава.

– Эй, – обратился он к полусонному другу, – как думаешь это подготовка крестьянского восстания?

– Дурак ты, это просто лесорубы, – отозвался Сеслав зевая.

– На кой леший их так много-то?

– Поди, да спроси, – недовольно отозвался парень и, перевернувшись на другой бок, тут же снова впал в дрему.

Ян пошел разузнать, что тут затевается, и оказалось, в замке сама Белая Госпожа. Пришла просить у Вайеса с десятков лесорубов, чтобы помогли соорудить кострища к празднику. Сейчас, мол, они соберутся и отправятся в Синий лес. Вайес им за эту работу по пять серебряников обещал.

Узнав, что Дея в замке, Ян сломя голову побежал в свои комнаты. Приняв ледяную ванную и быстро приведя себя в порядок, он направился к Вайесу в надежде застать ее там. Ян рассчитывал, что в присутствии Верховного Хранителя она не станет набрасываться на него с кулаками, а если ему и достанется, то гораздо меньше чем Владу.

Но ни Деи, ни Вайеса в кабинете не оказалось. Тогда Ян побежал в конюшни, решив, что Дея прискакала на кобыле и если она еще не уехала, у него есть шанс увидеть ее там.

Дорена меланхолично жевала отборное сено, стоя в загончике. Удовлетворенный своим маневром парень вышел на свежий воздух, чувствуя новый приступ дурноты. Он решил подождать подругу неподалеку от конюшен в тени вязов, но не успел и как следует расположиться под раскидистыми деревцами, как за поворотом показалась знакомая фигура в светлом платье и жемчужном плаще, волшебным переливающимся на солнце.

Очертания ее перламутрово-огненной красоты растворялось в солнечных лучах, вся она будто светилась и ослепленный Ян зажмурился. В голове тут же всплыли воспоминания – горячие жадные губы, ее дрожащее тело и требовательные руки. Ян напрягся не в силах справиться

с накотившим желанием. Он поднялся на ноги, закутываясь в плащ, словно ограждая себя от воздействия Деиных чар.

– Привет, Ян, – проговорила она приближаясь.

– Привет, – Ян покраснел и вдруг понял, что совершенно не представляет, что сказать.

– Ты меня ждешь?

– Да, я узнал, что тебе нужна помощь в устройстве праздника, – нашелся он. – Вот решил, что могу тебе пригодиться.

К величайшему удивлению Яна, его драгоценная подруга взяла его под руку и пошла вместе с ним к конюшням.

– Мне просто-напросто нужны лесорубы, – говорила она по дороге, – думаю тех, что отобрал для меня Вайес, будет достаточно. Ты же более ценный работник, – она улыбнулась ему своей самой мягкой из улыбок, – твое место в замке, а им придется прожить у меня несколько дней, оборудуя площадку для гуляний. Ты придешь на них?

– Конечно, конечно, приду, – он запнулся, – Дея, я хотел тебе сказать... Я... В общем, то, что было там у реки...

– Не надо, Ян, – остановила его девушка, поворачиваясь лицом.

– Нет, Дея, надо, – настоял Ян. – Я должен быть честен с тобой. Ты была права когда говорила, что как раньше уже не будет. Я люблю тебя, Дея, и мне всегда будет мало просто дружбы с тобой, – он сглотнул, опуская глаза. – Особенно теперь, когда я знаю какая ты.

– Я знаю, Ян, знаю, – печально прошептала она, – извини.

– Ты не можешь просить прощения за то, что вызываешь любовь. Я соглашусь на что угодно, стану твоей тенью, следующей по пятам. Я даже готов принять твою нелюбовь! Моих чувств, хватит на нас обоих, только позволь мне быть рядом, позволь касаться тебя, не таясь, – проговорил он задыхаясь и потянулся к ней, прижимая к себе.

Он уткнулся в ее плече, закрывая глаза и вдыхая ее дурманящий запах. Дея же замерла, а потом он уловил ее сбивающееся дыхание.

– Ян, – слышался ее тихий молящий голос, – не надо, прошу. Мы можем совершить самую роковую ошибку, – проговорила она отстраняясь.

– Да плевать мне! – вскричал он, – к чему сопротивляться, ели ты хочешь того же! Я же чувствую тебя, Дея, – он подошел к ней и приложил ладонь к ее груди, – я слышу твоё дыхание, я вижу желание в твоих глазах, я помню, как это было, Дея. Ты не уйдешь от себя, так зачем же мучить нас обоих?

– Боюсь, ты ошибаешься, Ян, – сказала она печально, – наши желания не так уж и схожи, – она потупила взгляд и направила в стойло к своей кобыле.

Она уехала не попрощавшись, а Ян так и застыл в дверях конюшни, безвольно прислонившись к косяку.

– Странный народ женщины, – раздался позади него знакомый старческий голос, – никогда не поймешь, что у них на уме.

Ян обернулся и недобро посмотрел на старика.

– Подслушиваешь?

– Нет, – спокойно ответил конюх, – вынужденно имею честь наблюдать ваши душевные томления. Если Господину так важно оставлять в тайне свои отношения с Госпожой, ему следует выбирать более укромные места для бесед.

Ян хотел огреть чем-нибудь увесистым наглого нравоучителя, спокойно взирающего на его страдания, но от рукоприкладства конюха спас пресловутый похмельный синдром, отнимающий у Яна последние силы. Зло глянув на старика, парень спотыкаясь, вышел на улицу. А в спину ему полетели слова конюха.

– Такой видный парень, Верховный Сагорт, покоритель небес, а боится девчонки. Да будь она хоть сотню раз Госпожа, от этого звания она девушкой быть не перестала, а значит хотеть должна того же, чего и прочие.

– Откуда тебе знать, чего хочет Госпожа, ты – лапоть, – уже багровея от злости, рявкнул Ян, которого раздражало, что кто-то лезет к нему в душу.

– Я человек необразованный это правда, книжек умных не читал и многого не знаю. Однако, я не слепой и потому заметил, что ваша подруга с трудом держит себя в руках. Вам для того чтобы получить желаемое, всего-то и надо перестать сдерживать свою силу.

– Д-а-а-а, – протянул Ян, – Дея была права, называя тебя доморожденным философом.

– Жизнь у меня была длинная, и я не всегда был конюхом.

– И кем же ты был раньше?

– Это не важно, молодой Господин, – отмахнулся мужик, – вы бы послушали старика, вместо того чтобы злиться. Жаль мне вас глупышей, вы зеленые стучитесь лбами во все двери, не ведая, что ключи от них в вас же самих и спрятаны.

Ян решил пропустить оскорбления мимо ушей, памятуя, что Дея приняла однажды во внимание совет этого старика, так почему бы и ему не его выслушать. В конце концов, опыта с женщинами у него, пожалуй, было побольше чем у Яна.

– И как мне, по-твоему, покорить сердце красотки? – небрежным тоном спросил Ян.

– Да очень даже просто. В вас есть то, против чего ни одна барышня не устоит.

Ян только усмехнулся.

– Чего-то я не наблюдаю очереди из поклонниц.

– Не туда смотрите. Подозреваю, что кроме своей подруги вы ни на кого внимания и не обращали.

Ян залился краской, уже жалея, что не огрел чем-нибудь настырного деда, прежде чем он завладел его вниманием.

– Да вы не сердчайте на старика, – постарался он смягчить Яна, завидев его тяжелый взгляд. – В вас есть мужество и сила, такая сила, от которой бабы млеют. Какой бы самодостаточной и независимой не была женщина, она жаждет, чтобы рядом был мужчина превосходящий ее во всем. Все они, пусть даже втайне от самих себя мечтают быть побежденными. Только вот кому попало они отдаваться не намерены. В покорности их наслаждение, но чтобы женщина пожелала стать вашей, простого влечения не достаточно. Они поразительно чувствительные создания и обмануть их чутье не в состоянии ни один лицедей. Женщины безошибочно чувствуют силу и вашу уверенность в своем праве обладать ею. Такого как вы, не сможет отвергнуть даже сама Госпожа Синего леса, когда вы, наконец, поймете, все, что вам необходимо это осознавать, что вы имеете на нее право.

Ян вспомнил, что однажды у него была эта уверенность, и тогда он был близок к цели, но все оборвалось, когда он засомневался.

– С чего ты взял, что во мне есть эта сила и, что я смогу ей воспользоваться?

– В том, что вы сумеете воспользоваться ей, я не уверен, но что она в вас есть, я не сомневаюсь. – Немного помедлив, старик добавил, – человек убежденный в своей правоте, способен остановить любое противостояние лишь энергией убежденности. Это относится абсолютно ко всему.

– Зачем ты все это мне говоришь?

– Не знаю, – честно признался старик, – может, просто хочу помочь. Мне показалось, она очень важна для вас. Вы достойный, хоть пока и глупый юноша и в вас есть все, чтобы заполучить даже такую как она.

Конюх как-то кисло улыбнулся и побрел обратно в конюшни, а Ян пришибленный проповедью так и остался стоять пялясь ему вслед.

«Может старый философ и прав, – подумал он, – вот подвернется случай, проверю его теорию». Только загвоздка была в том, что с некоторых пор Ян перестал быть уверен, что вправе обладать Деей. Лишь в момент накала страстей, он ощущал невероятный прилив какой-то безудержной энергии. В такие минуты он собой уже не управлял, эта сила вела его, заставляя делать такие вещи, на которые в здравом уме он бы ни за что не решился. Может об этом и говорил ему старик? Но если так, ему было необходимо подчинить эту дремлющую внутри него стихийную мощь, пока она бесконтрольная не натворила дел.

Окончательно добитый умственными потугами, Ян поплелся обратно к бочке с дождевой водой, в надежде отыскать там оставленного друга и вместе с ним отправиться в трапезную.

Праздник последней луны

Приготовления к празднику шли полным ходом. Занимая главные позиции в Деиной голове, они дарили недолгую передышку от мыслей о Владе.

Лес постепенно преобразался, там где проходили со своими топорами и пилами лесорубы, становилось легче дышать, в новообразовавшемся просторе зазвенел летний воздух, зажужжали и затрепыхались крохотные пархатели, привнося в эти отмирающие уже места суету жизни. Беспорядочно спутанные сухие ветви настырно цеплялись за здоровые кустарники и деревья, не желая сгинуть с лица земли. Они застилали почву не давая расти цветам, а поваленных и гниющих деревьев было столько, что во многих частях леса путнику практически некуда было ступить. Прежний удручающий вид запустения и разрухи, исчезал на глазах. Прошло только два дня, но вековым стволам уже стало вольнее дышать и они словно бы расступались, давая солнцу проходить сквозь неплотно смыкающиеся теперь кроны.

Дея заметила, что с того момента как она поселилась в лесу, зверей стало будто бы больше, или они просто переслали перемещаться исключительно тайными тропами и, наконец, вышли на свет, самозабвенно шурша в кустах, скача по ветвям и крадясь в кружевной тени деревьев. Такое преображение ласкало ее сердце, врачуя ноющие раны, а наблюдать за Озерными девами, готовящимися к празднику, было настоящим бальзамом нежно обволакивающим каждую трещинку ее души. Русалки вязали из водорослей тончайшие сарафаны, искусно вплетая в свои наряды жемчужины, мастерили из того же жемчуга невероятные узоры ожерелий и диадем. Они оказались поразительными искусницами, способными как никто другой, малыми средствами подчеркнуть свою прелесть.

И вот настал долгожданный момент – последний день праздником. Ка только он завершится и солнце спрячется за горизонт, ее красавицы выйдут из вод Лад озера на стройных девичьих ножках, достанут свои арфы, свирели и варганы и пустятся в пляс, сверкая жемчугом и улыбками в сете костров. А спящий весь гот водяной, проснется и забьет в свой барабан, сотрясая землю и приводя все озеро в движение.

Проснулась в этот День Дея поздно. «Выспись хорошенько, Госпожа, так как ночь тебя ждет непростая», – наказали ей русалки. Встав, далеко за полдень, Дея тут же направилась к озеру, проверять работу дровосеков. Бревна для костров уже были сложены на главной поляне, а ко все этому плотники соорудили и несколько арок, которые полагалось украсить цветочными гирляндами. Божена помниться, говорила про ритуал для новобрачных. Им следовало заходить в воду через такую арку, и если парень продержится под водой нужное время, то и выходить через нее.

Озерные девы расселись на берегу и шумно переговариваясь, плели себе косы, укладывая их в замысловатые прически, некоторые, правда, предпочли оставить волосы ниспадающими на плечи. Дея увидела среди них Божену колдующую над прической Омеллы.

– Госпожа, – позвала старшая из дев, – нам нужны цветы. Тех, что растут здесь, на гирлянды не хватит, к тому ж не хотелось бы разорять место, где будет проходить праздник. Ты принеси, а мы уж быстренько с ними справимся.

– Хорошо, – сказала Дея и свистнула Дорену, которая чудесным образом всегда паслась поблизости от нее.

За цветами она решила отправиться в несколько мест, чтобы гирлянды получились разнообразными. У ручья, где всегда паслись оставшиеся лани, Дея набрала семицветов и ромашек, с поляны у Отца леса, привезла синеглазок, диких лилий и колокольчиков, а на вершине кручи она добыла для своих сестер сам лик луны, который должен был вобрать в себя лунный свет и засиять в ночном мраке серебром. Этих драгоценных цветов Дея сорвала ровно столько, сколько было арок, по одному в центральный венец. Вернувшись, она отдала цветы

русалкам, и те с жадностью набросились на них. Заработали тонкие пальчики, и вскоре Дея увидела десятки прекрасных гирлянд, которые ей предстояло развесить.

К обеду прикатило три телеги, доверху груженные разной снедью и бочками с элем и сидром. Плотники уже доколачивали последние столы и принялись тягать содержимое, расставляя его в случайном порядке. А к Деи тем временем подошел возница.

– Господин передает вам вот это, – сказал он, кланяясь и протягивая девушке сверток.

– Передай Господину мою благодарность и скажи, что я жду его сегодня на праздник, – потом она лучезарно улыбнулась и добавила. – Как и всех желающих насладиться нашим обществом.

Возница засмутился и снова кланяясь, отбыл, громыхая пустыми телегами.

Развернув сверток, Дея только покачала головой, не в силах сдержать улыбки. В нем была жемчужная диадема – очередной подарок Вайеса. Дея повернулась к русалкам и приложила подарок к голове. Восторженный возглас дев не заставил себя ждать. Все как одна нахваливали подарок, уверяя, что Госпожа будет прекрасна в платье из водорослей и своих украшениях. Дея пыталась деликатно отказаться от этого щедрого подарка, но русалки убедили ее, что в таком платье ей будет гораздо комфортнее постоянно спускаться с ними под воду.

– Представь, во что превратится твой шелковый наряд, когда ты выйдешь на поверхность, – убеждали ее сестры.

И в памяти услужливо всплыл ее первый проход через водную преграду замка. Пришлось согласиться. А чтобы волосы не свисали мокрыми сосульками, их ей тоже заплели в сложную прическу из множества косичек. Таким образом, от своих подопечных Госпожа Синего леса отличалась только плащом хранителя, да царственной диадемой.

Но вот все приготовления подошли к концу. Нарядные русалки до времени притаились под водой, животные стянулись к озеру и сомкнулись плотным кольцом вокруг него, четыре дровосека ждали подле сложенных бревен, готовые поджечь их по команде Госпожи, а сама Дея в облачении Хранителя и сопровождаемая серебристой ланью стояла на широком плоту в центре озера, усеянного дикими лилиями. Луна пряталась в облаках и единственным источником света в лесу сейчас были солнвейсы, которые бережно хранили последние дни накопленный свет, чтобы подарить его гостям на праздник Последней луны.

До полуночи оставалось полчаса. Дея замерла на своем посту в напряжении, пока не показались точки света вдалеке – это шли первые гости, освещая себе путь кристаллами. Первопроходцы еще не достигли своей цели, а лес уже наполнился вереницами светящихся маячков. Они как пунктиры оповещали жителей леса, с какой стороны идут люди, а шли они уже отовсюду, стекаясь к мерцающей водной глади.

Полночь приближалась. Лес замер в нетерпении, ни ветерка, ни шуршания не было слышно в этом напряженном ожидании. И вот когда у берега скопилось уже достаточно народу, из-под водной толщи грянул барабан водяного, извещая о полуночи. Он сотрясал воды так, что Дея с трудом удерживала равновесие на своем плоту, но все же смогла совершить ритуал. Воздев руки к небу, она прокричала:

– Покажи нам свой лик, хозяйка ночных небес! Одари своих детей благословенным светом и пусть исполнится воля твоя!

Воды снова сотряслись от барабанной дробы и облака стали медленно расступаться, постепенно открывая полный диск луны. Когда она показалась целиком, все озеро замерцало сказочным блеском – усеянное жемчугом дно, отражало лунный свет, придавая поверхности вод зеркальный блеск.

Ни прошло и пяти минут как из воды повылуплялись головки Озерных дев, подплывающих к своей Госпоже и устремляющих ее к берегу. Дея подала знак дровосекам, и они стали поджигать облитые маслом поленья. Те вспыхивали, разнося по берегу жар и красноватый свет, а когда костры разгорелись на берег уже вышла и сама Госпожа Синего леса.

– Мы приветствуем вас на нашем празднике Последней луны! – обратилась Дея к разинувшей рты толпе, в которой преобладали мужчины. – Благодарим, что вы откликнулись. Да начнется же празднество! – Дея вскинула руки и к берегу стали подплывать ее сестры.

Женственные и легкие, грациозные и лучащиеся счастьем, они выходили в своих ажурных, полупрозрачных платьях. Одни шли налегке, другие несли в руках музыкальные инструменты. Когда все они покинули озеро, из-под воды снова послышались удары, но на сей раз это была не короткая барабанная дробь, а ритм, который тут же поддержали русалки. Помпезная и распространяющаяся на многие версты музыка зазвучала как гром.

Те русалки, что были налегке сорвались с места и пустились в безудержный пляс, рисуя своими мелькающими силуэтами завораживающий, пришедший из самих недр сказ о чуде. Они сходились и расходились, образуя немислимой сложности фигуры, кружились и порхали тенями на фоне возвышающихся костров. Гибкие, плавные и околдовывающие, они притягивали взгляды, манили, чаровали.

Вскоре не осталось ни одного праздно шатающегося человека, все были поглощены весельем, в котором Озерные девы знали толк. Они звонко смеялись и манили белоснежными ручками, кружили молодых и теряющих головы парней в танце и пели. Пели они много и сладостно, от их голосов замирало сердце, хотелось слушать их бесконечно. Даже самой Деи показалось, что сегодня они поют особенно проникновенно.

– Вы вдохнули в них жизнь, – послышался за спиной Деи голос Вайеса. – Я никогда прежде не видел их такими. Ваша сила передается и им. Боюсь скоро у нас не останется женихов для обычных девушек, все захотят себе в жены Озерную деву, – Вайес рассмеялся, впервые с того дня, когда был у Деи.

– Их осталось не так много, вы же видите, – сказала она, смотря на своих прелестниц, улыбаясь и утирая слезы умиления. – Они так счастливы.

– Да, и это ваша заслуга. Этот праздник никогда не был таким... м-м-м... грандиозным.

– Ну, это-то как раз ваша заслуга. Я не смогла бы организовать такое угощение. Мы, наверное, разорили замковые погреба.

– Нет, что вы, – отмахнулся Вайес, – я заказал все это у фермеров заранее, так что и наши закрома не разорены и они в накладе не остались.

– Благодарю вас, Вайес, за все это, – она обвела рукой столы усеянные яствами, – и за это, – добавила она, проводя рукой по диадеме.

– Глупости, вы подарили мне жизнь сына, я перед вами в неоплатном долгу.

При упоминании о Владе Дея потупилась. Что с ней будет, когда суeta празднеств закончиться, и она снова увидит его? Как отреагирует ее сердце, прикажет снова накинуться с кулаками или опять начнет таять как сливочное масло на солнце?

От этих мыслей ее оторвало видение – светлая точка, промелькнувшая в небе и спрятавшаяся в макушках деревьев. Через минуту Дея поняла, что это не видение – это Маюн приближается к Лад озеру. Завидев Страж-птицу, толпа расступилась, давая возможность Верховному Сагарту приземлиться. Любимец публики как всегда эффектно прибыл на мероприятие. Облаченный в церемониальный плащ и традиционный костюм Сагорга, Ян спрыгнул с Маюн и, неся в руках что-то трепещуще-алое, направился к Деи.

– Ты немного опоздал, мой друг, – укорил его Вайес. – Начало было фееричным.

– Да, и я проклиная себя за то, что припустил его, но я искал это. – Он протянул Деи алый цветок и, приземляясь на одно колено, добавил, – прими его, Госпожа моего сердца.

– Что это? – удивилась Дея, принимая подарок.

– Да это же пасть дракона, – воскликнул Вайес. – Где ты его добыл?

– За сотню верст отсюда. Я прознал, что у подножья кровавой горы они еще сохранились и решил, что если мне удастся сорвать хотя бы один, у Деи появиться настоящая флористическая пиранья.

– Как ты отбился от зверюг, что охраняют их?

– Мне друг помог, – отозвался Ян, подзывая Сеслава.

– Да вы можете мне объяснить, что это за пасть дракона такая? – не выдержала Дея.

– О-о-о, – начал объяснять Вайес. – Пасть дракона – это самый хищный цветок. Его алая красота обманчива, стоит к нему приблизиться, и он слопает тебя, словно мошку какую. Эти красавицы достигают до аршина в диаметре и с легкостью могут заглотить человека. Им достаточно сомкнуть свои лепестки хотя бы вокруг твоей руки и выпустить сильнодействующий яд. Жертва засыпает, и пасть дракона заглатывает ее целиком. Она не разомкнет лепестков, пока не переварит ее полностью. Но он плохо приживаются, поэтому советую посадить его немедленно.

– Вы считаете? – с сомнением спросила Дея.

– Безусловно, – уверял Вайес. – Ян и его друг рисковали жизнью, добывая это сокровище. Кровавая гора – место мрачное и безлюдное, кишашее чудовищными ящерами, которые не подпускают никого к своим драгоценностям, да и сам цветок как вы поняли не безобиден.

– Как же ты его сорвал, Ян?

– Разузнал способ, – уклончиво ответил тот. – Но этот еще пока детеныш, питается мелкими зверями.

– Подождите-ка, вы предлагаете посадить хищный цветок, который будет питаться моими животными? – недоумевала Дея.

– Ты же Хранитель этого леса, цветок будет служить тебе. Прикажешь, и он твоих зверенышей не тронет. К тому ж он обычно питается солнечным светом, а хищничает, только если опасность почует. В общем, для твоего леса он не опасен, а вот тому, кто задумает ему навредить, он принесет смерть. Разом всех браконьеров спугнет. Вот увидишь – пообещал воодушевленный Ян.

– Он совершенно прав, моя дорогая, – поддержал парня Вайес. – Вам абсолютно нечего бояться.

– Где же мне его посадить? – задумалась Дея.

– Около дома своего посади, – предложил Ян.

– Нет, мне там вряд ли грозит опасность, а вот девочкам миом лишняя защита не повредит. Здесь и посажу, пусть расплывается во все стороны, если он для мирных путников и впрямь не опасен.

– Нет, не опасен, – заверил Ян, и они отошли от празднующих. Чтобы не пугать раньше времени простой люд чудо цветком, посадили его подальше от тропы среди деревьев, но так чтобы ему хватало солнца.

– Когда праздничные ночи кончатся, можешь пересадить его поближе к озеру, – предложил Ян.

– Спасибо за подарок, – поблагодарила она.

– Дея, я для тебя не то что цветок, я саму кровавую гору по камешку перетащу, если потребуется.

– Не надо, Ян, – прошептала Дея, опуская глаза.

– Пойдем, не хочу, чтобы твои сестры подумали, что я похитил их Госпожу.

Они вернулись к празднующим, и навстречу Деи тут же устремилась тонкая фигурка с развивающимися косичками, за ней шел темноволосяй и хорошо знакомый Деи парень.

– Госпожа, – обратилась к ней девушка, склоняясь на одно колено, парень тут же последовал ее примеру. – Мы просим тебя, Госпожа, о благословении.

– Встань, Омелла, и ты, Сеслав, тоже, – попросила Дея. – Это честь для меня. Вы будете первой благословенной парой за семнадцать лет. Идите же скорей, – проговорила она воодушевленно, устремляясь к аркам.

Завидев первую пару совершающую ритуал, арфистки, а за ними и другие музыканты смолкли. Омелла подвела Сеслава к кромке воды и успокаивающе погладила по руке. Дея и Ян следовали за ними.

– Боишься, – спросила Дея у парня.

– Нет, – ответил тот, смотря на Омеллу улыбаясь.

Улыбка это была сиянием беспредельного обожания и воскресила в памяти Деи холодный образ Влада, который по ее мнению, уже никогда не посмотрит на нее вот так: чисто, открыто, незатейливо-преданно.

Пара ступила в арку, держась за руки, и не успела Дея понять, что все происходит вправду, как воды над их головами сомкнулись, оставляя лишь след их присутствия в мерном покачивании.

Послышалась барабанная дробь. Дея непроизвольно схватила Яна за руку и сжимала ее все сильнее, пока водяной отсчитывал время, будоража озерное дно и сердца всех присутствующих.

Наконец дробь смолкла. Лес и его гости сделали вдох, но не спешили с выдохом в ожидании чуда. Еще мгновение и из воды вынырнул Сеслав, жадно хватая ртом воздух, а следом за ним и Омелла.

– Получилось! Получилось! – орал радостный парень.

Пара вышла на берег и на них обрушилась ликующая толпа. Выкрикивали поздравления, рассыпались в комплиментах перед Омеллой, восторгались смелостью Сеслава, желали долгих лет счастья и пополнения, в общем, всего того, что в таких случаях обычно желают. Парочка была на вершине счастья и прилюдно целовалась, дразня всех вокруг.

Дея смотрела на все это не скрывая слез радости. Столько стараний, сомнений и трудов, наконец, дали свои плоды. Люди пришли, они поверили, а теперь благодаря этим молодым появятся и другие смельчаки. А к концу недели ее лес наводнят толпы влюбленных юнцов, и ее Озерные девы, наконец, сменят свои заунывные, полные печали песни на томные и блаженные. Берег как прежде будет заставлен лодочками, на которых счастливые влюбленные будут кататься, до прихода новой луны.

Дея вскинула руки, призывая всех к тишине.

– Сеслав! – обратилась она к Сагарту. – Ты показал свою отвагу и доказал любовь. Я признаю тебя достойным моей Озерной девы. Подойдите, мои дорогие, если желаете получить благословение, – проговорила она, протягивая к ним свои руки.

Омелла бросилась к своей госпоже, Сеслав не отставал, и Дея обняв их обоих, подтолкнула к воде. Как только все трое спустились в низ, зазвучал гимн Синего леса, величественный и грозный. Омелла поспешно увлекла своего жениха на дно, а Дея вытащила из волос ленту и, связав ею запястья молодых, вложила каждому по жемчужине, которые они потом повесят друг другу на шею.

Церемония длилась не долго, и когда новоблагословенные вынырнули, гимн все еще играл. Они дослушали его стоя в арке и держась за руки. Чистые, нежные, влюбленные. Сеслав взял жену на руки и, усадив на своего волка, умчался с нею в глушь леса.

Гуляли до восхода солнца, сидя под конец у догорающего костра, пьяные и утомленные, но невероятно счастливые. В эту первую ночь было еще трое смельчаков, что решились нырнуть, а одна из пар даже попросила о благословении. Дею поразила такая поспешность, но отказать она не могла, потому что просящей оказалась Лея.

Повинуясь всеобщему разгульному настроению, горожане и жители ближайших деревень спешили в лес, чтобы приобщиться к гуляниям. Разговоры о заводных и даже разнузданных танцах русалок, небывалом размахе праздника, угощениях и волшебном украшении леса, расходились со скоростью света, и это привлекало не только отъявленных романтиков, но и любо-

пытных девиц, наслышанных о способностях Озерных дев обольщать с первого взгляда. Привлек праздник и уже знакомую Деи молодую торговку.

Шла третья ночь гуляний. Хранительница стояла на возвышении, что устроили ей плотники, чтобы она могла лучше наблюдать за тем, как проходит действо. Ян улетел на еженощную разведку уже почти два часа назад и должен был давно вернуться. Дея из последних сил отгоняла назойливое, тревожное чувство, готовое лишить ее самообладания, когда, наконец, увидела в толпе знакомую фигуру.

Он шел своей выдающейся походкой, будто гвозди сапогами заколачивал, высокий, могучий, прямой как копье. Рядом семеня Ждана в своих белых кудряшках. Она, что-то щебетала, пытаясь дотянуться до его уха, а Ян слегка наклонял к ней голову.

Дея была так поглощена зрелищем, что не заметила, как на возвышение взошла Лея, подходя к ней со спины.

– Госпожа, ты должна смириться с тем, что он уже не мальчик, да и ты отнюдь не ребенок, – раздался за ее спиной хрипловатый голос Озерной девы. – Она милая девушка и по правде сказать, подходит ему. Но ей никогда не занять в его сердце твоего места. Ты должна понимать, придет время, когда все-таки нужно будет сделать выбор – дать ему желаемое или отпустить.

Дея медленно развернулась к Лее.

– Я начинаю это понимать, – с грустью прошептала она и стала спускаться.

На целую неделю город вместе с его окрестностями будто бы сошел с ума. Большая часть людей спала днем. Одни потому что всю ночь гуляли, другие потому что не могли уснуть. Доносящийся из-под воды барабан водяного был слышен на многие версты в округе. С каждым днем, желающих побывать на гуляньях становилось все больше, и к четвертой ночи празднующие перестали уместиться на приозерных полянах. Они приносили с собой вино и фрукты, пытались уластить разборчивых русалок, играли им на домрах и гусях, пели баллады и даже сражались на мечях за сердца подводных чаровниц. Дея только успевала вязать ленты на руки молодым, а Ян и Маюн каждую ночь присутствовали на празднике, следя за порядком. К концу недели сушняка в лесу осталось ровно столько, сколько могло понадобиться путникам для костров. Все дороги и тропы были расчищены, в водоемах свободно побежала вода, не находя более препятствий в виде полусгнивших бревен. Все вокруг радовало глаз.

Лес, как и город спутал день с ночью, до шести, а то и восьми вечера царил умиротворяющая, сонная тишина – лес дремал. Пробудившись, начинали готовиться к очередному гулянию, плести цветочные гирлянды и косы, складывать костры и накрывать столы.

С каждой ночью настроения праздника все больше менялось. От залихватского первобытного задора уже не осталось и следа, гуляния становились тихими и лиричными. Общие веселые танцы со сменой партнеров, заменили трогательные парные кружения, все чаще можно было встретить не шумные компании пьяненьких молодцев, а мерно прогуливающиеся парочки, которые разбрелись по всему лесу.

Солнвейсы исправно делали свою работу, погружая ночные чаши в теплое золотое свечение, а мягкий мох принимал утомившийся молодых, ушедших далеко от костров. Романтическая атмосфера, царившая в Деином лесу, передавалась всем и каждому. Даже две осины, что росли подле домика Госпожи, переплелись ветвями и стояли будто обнявшись. Сопротивляться этому массовому помешательству не было никаких сил, все искали любви, а находя, отдавались ей без остатка.

Непреодолимая сила

Вот уже четыре ночи Ян проводил рядом с Деей, они с Маюн на время праздников поселились в лесу. Вайес сделал Яну и Сеславу настоящий подарок, отправив их следить за порядком в сам лес.

Дея отдала в распоряжение друга свой диван в гостиной, и хотя он и был для него маловат, Ян не жаловался. Он старался не оставлять подругу одну надолго. Впрочем, за эти пять дней и четыре ночи она ни на минуту одна и не оставалась. Но Яна тревожили не внезапные вторжения или приход Ихайля, он опасался Влада.

«Кто его психа знает, – думал он, – заявиться еще и, воспользовавшись общим амурным настроением, запудрит Деи голову своими вычурными манерами. Расфуфыренный хлыщ!»

Почему Ян считал Влада расфуфыренным хлыщем, он и сам не знал, наверное, тут сыграла свою роль неординарная внешность Веда. Так или иначе, Яна в сопернике раздражало буквально все, а в особенности то, что им увлеклась его Дея. Он ловил себя на мысли, что всматриваясь в толпу, выискивает знакомую фигуру в черном. Вместо того чтобы всматривать потенциальных дебоширов, он искал объект способный навредить лично ему.

Когда пятая ночь уже растворялась в забрезжившем утреннем свете, русалки приняли свой обычный облик, и гости практически разошлись, Ян узрел-таки на противоположном берегу темное пятно, ведовской накидки. Решив, что это оживают его страхи, он помотал головой и, выбросив ведение из головы, повел утомленную Дею к дому.

Сегодняшняя ночь получилась особенно трогательной. Хозяйке леса пришлось аж восемь раз спускаться под воду, чтобы провести ритуал и сейчас она шла и пересказывала Яну эти волнительные моменты.

Он понимал, что лучшей возможности заполучить Дею, ему может и не представиться. Осталось всего две ночи, после которых романтический флер начнет постепенно развеиваться. Дея снова погрузиться в свои рутинные обязанности Хранителя, его отзовут в замок и меж ними опять появиться отчужденность, мучающая его уже много недель.

Он колебался, боясь нарушить ту стройность и созвучность, что образовалась меж ними за эти пять ночей. Ему требовался подстегивающий стимул, и он возник, как боль после падения. Этот стимул стоял на вершине небольшого холма, что возвышался за Деиным домом. Темная фигура Влада нечетко, но все же читалась в утреннем молочном мареве. Он наблюдал.

Действовать. Немедленно, не раздумывая, пока она его не заметила, а там будь что будет, решил Ян и резко развернув Дею спиной к холму, обрушил на нее весь свой пыл.

Сначала ничего не произошло, девушка просто замерла в нерешительности. Правда, придя в себя, она попыталась высвободиться из объятий, но бросив короткий и требовательный взгляд на друга, увидела, что у того в глазах уже полыхает пурпурное солнце желаний. То ли, это пламя перекинулось и на нее, то ли, пять лирических ночей сделали свое дело, а только отбивалась она уже как-то неубедительно, скорее по инерции.

Разгорячившейся Ян, смял своим решительным натиском ее слабую оборону. Он яростно целовал Дею, вжимаясь в ее тоненькое тело, будто хотел пройти сквозь него. Беспорядочно шарил руками по плащу в поисках лазейки, а когда его руки нащупали мягкий живот под тонким, прохладным платьем, его дыхание сорвалось на хрип.

Дея тоже дышала часто, порывисто, словно задыхалась от собственной агонии. Ее тонкие и ловкие пальцы нашли застежку плаща и когда он упал на землю, Яна охватила эйфория. Он подхватил ее на руки и чуть не бегом кинулся к дому.

Взлетев на второй этаж, он ногой открыл дверь в спальню и опустил свое сокровище на кровать. Переводя дыхание, Ян стал медленно расстегивать рубаху, затем шнуровку на кожаных штанах, мимоходом сбрасывая ботинки. Дея смирно лежала на постели, изучая его

горящими, шальными глазами. Он стянул штаны и, оставшись в одной расстегнутой рубашке, приблизился к ней, касаясь тонкого вязаного одеяния. Она казалось, ждала с нетерпением этого прикосновения, тело ее дрогнуло и потянулось к Яну. Он же, не веря в реальность происходящего, осторожно и мучительно медленно провел ладонями по ее ногам, приподнимая подол.

– Ян... – прошептала Дея, когда он приподнял ее, чтобы снять подарок русалок.

Парень приложил палец к ее губам и опустил на кровать, подводя свои руки под ее поясницу. Она была словно куколка, хрупкая и тонкая спина Деи, целиком умещалась на его ладонях.

Ян уловил оттенок нерешительности в ее взгляде, но им уже полностью овладела уверенность в том, что Дея должна принадлежать именно ему. И он взял ее, взял, как ему казалось всю без остатка.

Сквозь собственное прерывистое дыхание он слышал ее неровные стоны, потом она замерла, притихнув, а через несколько шумных ударов сердца, снова вскрикнула и обмякла.

Этот ее возглас и безвольность особенно взволновали Яна. Тот час и по его телу пробежала судорога, а голова упала на Деено плече.

Он не желал размыкать эту тесную, и казалось такую прочную связь, потому и пролежал без движения, уткнувшись в белое покато плечо, пахнущее костром и яблоками, пока не ощутил новый прилив желания.

Почувствовав, что тело Деи тоже напряглось, отзываясь на призыв, он снова заставил ее подчиниться своей воли. И снова был этот короткий возглас и эта волнующая слабость. А потом они просто лежали. Она смотрела на него припухшими затуманенными глазами, он расплетал навязанные русалками косички и гладил ее белый, мягкий живот. Они не говорили, просто смотрели и изучали друг друга с новой еще не знакомой им стороны.

Пламя высшего порядка

Густые сумерки уже просочились в мрачное поместье Кариев, погружая комнату с красными обоями во мрак. Белеющая в призрачной темноте фигура пошевелилась, свешивая с кровати ноги.

– Проснулась, наконец? – спросил Влад, стоявший у распахнутого окна.

– Если ты чего-то еще хотел, мог бы и разбудить, – пропел тонкий мелодичный голосок.

– Дура ты, Ула, – проговорил Вед, задумчиво глядя в окно.

Голая девица с излишне нарумяненным щеками обиженно уставилась на него.

– В тебе столько жизненной энергии, а ты так вульгарно ее растрчиваешь, – пояснил Влад, словно мог видеть лицо девушки. – Глупости это.

– Эти глупости сделали меня богатой и желанной для многих, очень многих. Даже ты вот не смог мне отказать.

– От тебя разве отвяжешься? – усмехнулся он.

Девица встала и, подойдя к нему, обвила свои умелые руки вокруг его бедер, но Влад брезгливо отбросил их.

– Достаточно, Ула, – огрызнулся он, – я не в настроении.

– Какой-то ты уж больно мрачный, Влад.

– Это мое перманентное состояние.

– Не-е-ет, мой сладенький, я тебя за десять лет не часто таким видела.

– Ты меня любим видишь не часто, слава твоей занятости.

Ула кокетливо поиграла с занавеской, прислоняясь к подоконнику.

– Расскажи мне о своей красоте, – попросила она. – Весь город только и говорит о том, что мраморный Влад ни с того ни с сего, решил выгораживать новую Хранительницу, которую народ за что-то невлюбил, – она лукаво улыбнулась, а ее взгляд говорил, что от нее бесполезно прятаться. – Я уж думала, что мой единственный друг так и будет до скончания времен утешать голод с помощью этой трески!

– Трески? – Влад непроизвольно улыбнулся.

– Как еще назвать пресное тело этой добродетельной ведьмы.

Влад устало вздохнул.

– Ула, ты получила, что хотела?

Девушка закивала, растягивая сладострастный рот в широкой и довольной улыбке.

– А теперь будь другом, отстань.

– А твоя зазноба, видимо, моим мастерством похвастаться не может, – провоцировала девица, желающая, во что бы то ни стало выпытать интересующие ее подробности.

Влад покачал головой, понимая, что поддается на провокацию, но от Улы так просто отделаться было невозможно, и он это прекрасно знал. Она была его единственным другом среди людей. Еще в ученические годы, он заметил азарт и любовь к жизни в этой простой с виду крестьянской девки. Она хотела попробовать все, испытать себя на прочность, ее подстегивали амбиции, и он немного помог непоседливой девчужке встать на ноги. Просто дал ей денег, когда она осиротела. Девчонка купила себе приличное платье, повозку и чахлого конька, а затем уехала. Вернулась она через три года, в собственной коляске с запряженной в нее породистой тройкой.

Влад ничего не имел против ее профессии, каждый живет согласно своим талантам. Вот только у Улы их было гораздо больше, чем у простой крестьянской девчонки и Влада немного огорчало, что она их так бездарно использует.

– Твоим мастерством вообще мало кто может похвастаться, – ответил он, – Но в том то и разница между вами. Ты знаешь, как привлечь внимание, возбудить интерес, вызвать жела-

ние. Ты прикладываешь много усилий чтобы нравиться, старательно притягиваешь взгляды, очаровываешь, твое внимание никогда не дремлет, высматривая новую жертву, в то время как она, не прилагает вообще никаких усилий для того, чтобы заставлять думать о себе.

– Ну и зря, – хмыкнула Ула.

– Ее юная чувственность светиться пламенем высшего порядка, – с чувством произнес Влад, уставившись на луну. – Она не выпячивает этот свет, не стремится демонстрировать себя всем и каждому. Лишние обожатели ей ни к чему. Она знает – тот, кто достоин коснуться этого пламени, итак разглядит в ней его отсветы, а точнее почувствует.

– Намекаешь, что я окружаю себя мусором?

Влад пожал плечами, подходя к постели и набрасывая халат.

– Ванная в твоём распоряжении, но только после меня.

– Ты уходишь?

– Да.

– Когда вернешься?

– Не знаю, но надеюсь, к этому моменту ты уже найдешь себе новую жертву.

– Какова она, Влад? – спросила девушка удаляющегося Веда. – Какова на вкус? Она как... – Ула замолчала, встретив его темнеющий взгляд. – Ты не был с нею, – догадалась она.

– Не твое дело, – раздраженно выплюнул Влад.

Но девушка уже не могла остановиться.

– Она не заводит тебя или может, ты хочешь ее сердце, а не тело? В чем причина, Влад? Я точно не поверю, что ты боялся разочаровать ее. Кто угодно только не ты.

– Умила, – протянул Вед предупреждающим тоном и пальцы его заискрились, – если ты не уймешь свое любопытство, я оставлю тебя без ванны, не смотря на наше многолетнее знакомство!

– Ты боишься не ее, а себя, – не унималась приставучая подруга. – Боишься, что если сблизиться с ней, то уже точно не сможешь себя контролировать. Ты не хочешь брать ее тело, пока не завладеешь сердцем, – предположила Ула.

Влад не стал слушать дальше. Не говоря ни слова, он вышел из спальни, оставляя невыносимо любопытную девицу, самой разбираться в своих домыслах.

Как бы он не верил Умиле, ни разу не болтавшей о его тайнах, а все же не мог рассказать, что единственную достойную его внимания девушку, он лишил всего, когда та была еще ребенком. А в довершении к этому еще и соединил ее с Яном, который теперь путается у него под ногами.

Влад уже начал жалеть, что вздумал вернуть парня обратно, хотя и понимал – его решение, вряд ли могло что-либо изменить, Ихаиль в любом случае вернул бы их обоих.

Размышляя над своей ироничной судьбой, он начинал представлять ее в образе ехидной старухи, чьи шаловливые руки сплели их троих в тугую косу. Как распутать это плетение, Влад не знал. Все что он мог – это подглядывать за самим собой через замочную скважину собственных фантазий. А несносный Ян тем временем все ближе и ближе подкрадывался к Деи, стремясь выкачать весь сок ее юности.

Вот уже несколько месяцев Влад находился в одурманивающем, мутном тумане собственных вожделений – чувств давно забытых, запрятаных в столь надежные и глубокие закрома его памяти, что казалось, они уже никогда не должны были его потревожить. Но они выбирались из своего длительного заточения, жадные и голодные, готовые сожрать его без остатка. И чем недоступней становился объект его желаний, тем настойчивей его донимали мысли о заполучении его любой ценой. Дея разбудила его демонов страсти, и теперь в его межреберном пространстве беспрестанно скребли их когтистые лапы.

Пять ночей он провел в ее лесу, наблюдая издали, оставаясь не замеченным (почти незамеченным). Лес пропустил Влада, не проявив к нему никакого особого интереса, как в про-

чем и прежде. Это обстоятельство позволило ему надеяться на то, что Дея каким-то удивительным образом умудрилась скрыть от своих подопечных виновника всех их бед.

Почему она так поступила, Влад не знал, но полагал, что не только особое отношение Госпожи к его скромной персоне подвигло ее на такую скрытность. Было здесь что-то еще, не могло не быть, не так проста его избранница, чтобы руководствоваться только чувствами.

В эту последнюю – шестую ночь Влад рискнул подобраться ближе, ему хотелось рассмотреть свою красавицу, он истосковался по ее румяной красоте.

Она выглядела изможденной и все же, улыбка практически не сходила с ее губ, а этот раздражающий его верзила, постоянно крутился подле нее. Но самое омерзительное, что в них появилось нечто новое, неуловимое. Влад не мог не признать, что они стали невыносимо гармоничны в своем замкнутом круге взаимного трепета друг перед другом. Казалось, все происходящее было лишь декорацией вокруг Деи и Яна. Они же плыли тихие как призраки в этом пространстве вождения и похоти, принадлежащие только друг другу, чистые и не замаранные суровой реальностью.

Каждый взгляд Деи брошенный на Яна обжигал Владу сердце, и им все больше и больше завладевали удушливые, черные мысли. Но он терпеливо ждал, когда Ян отлипнет от своего цветка и умчится вместе со Страж-птицей, оставив Дею в его распоряжение на целый час. И вот, этот долгожданный миг настал.

Она стояла в окружении Озерных дев, шумно рассказывающих ей о любовных приключениях, когда он подошел своей легкой крадущейся походкой хищника.

– Приветствую вас, Госпожа, – обратился он к Деи, вырастая перед ней во весь свой nepозволительный рост.

Его появление встревожило всех присутствующих. Дея подала сигнал русалкам, и они тут же разбежались.

– Феноменальная наглость, – выдавила она, вонзая в него мрачный, граничащий с ненавистью взгляд.

– Это единственное, что придает мне сил.

– Что тебе нужно?

– Хотел увидеть тебя, – он запнулся, – вблизи.

– Посмотрел?

– Да, но я мечтал не только об этом.

– Чего еще ты от меня хочешь? – спросила она устало.

– Тебя саму хочу.

– Что именно из того что во мне есть, ты хотел бы получить? – издевательски спросила Дея.

– Все.

– Слишком много, не унесешь.

Владу хотелось пробить ее непроницаемый кокон отчужденности, но Дея даже не смотрела на него. Отвечая на его вопросы, она продолжала наблюдать за танцующими у костра русалками.

– Дея, я мог бы попытаться умереть с тем, что ты ненавидишь меня, но перестать желать тебя, я не в силах, – признался он.

Госпожа Синего леса, наконец, посмотрела на него долгим, изучающим взглядом. И была в ней в этот миг неуловимая раздвоенность – она одновременно являлась и любопытным ребенком, и молодой роковой женщиной.

– Что может доставить тебе наслаждение, Дея? – неожиданно для себя спросил Влад.

– Боль, – прошептала она, съедая его глазами. – Твоя боль, Влад!

Он отпрянул, глотая ртом воздух. Ее глаза смеялись, словно говорили, – «ты хотел меня всю? Ну, так получай».

Справившись с минутным потрясением, Влад подошел настолько близко, что ее дыхание колыхнуло его волосы. С силой сжал ее плечи.

– Скучный здесь живет народец, – прошептал он, смотря на нее в упор, – ни святости, ни лютости. Ты сияешь звездой среди этого сброда. Я ждал тебя, как спасение от чувственного застоя, Дея.

– Тебе нравятся страдания?

– Нет, но тем интересней будет наша игра. Какие в ней правила, моя красавица?

– Никаких правил, Влад, все будет спонтанно и взаправду.

– Что ж, надеюсь, мы выживем и не лишимся рассудка.

Начало игры

Неутомимый Ян безжалостно лишал Дею сна, но разоруженная собственной готовностью к близости, она не могла уклониться от его натисков. И когда ей казалось, что она вот-вот растворится в этой животной чувственности, в этой их молодой неистовости, что походила на деградацию, пришел тот, чей образ был одной сплошной провокацией. И теперь взлелеянный в девичьих мечтах мираж, вновь и вновь вставал перед ней непрошеным гостем. Кульминацией этого наваждения стал момент близости с Яном, во время которого она представляла Владу.

Дея поняла, что все эти перипетии сломали-таки ее моральный хребет. Она действительно страстно желала, еще раз увидеть в глазах Веда боль – ту боль, что сочилась из него, когда он пришел к ней на праздник. Эта его мука, была бальзамом для ее души, сладким медом, сильнейшим возбудителем. Когда Дея сблизилась в ту ночь с Яном, она возрождала в памяти изуродованные агонией черные глаза и только сильнее разгоралась. Его страдания стали пищей для нее, без них Дея чувствовала себя неполной, обделенной, неотомщенной и все чего она теперь хотела – это обречь его на еще большие мучения.

В конце концов, желание причинить Владу боль переросло в парнюю. Казалось, оно текло в ее жилах вместо крови, разрушая ту хрупкую скорлупку, за которой пряталась ее суть в полном своем многоцветии. Отсутствие же в ее поле зрения Веда, только усиливало степень помешательства.

В таком вот ядовитом отваре желчи Дея варилась до тех пор, пока в ее голове не созрел план, который она вознамерилась превратить в жизнь, во что бы то ни стало. Это-то решение и сделалось отправной точкой ее нарастающего безумия, в котором обрывки и случайные картины замысла волочились за каждой ее мыслью.

Когда Дея отшлифовала свой план до блеска, не упустив ни одной мельчайшей детали, она решилась, открыться самому чистому и доверенному, непогрешимому и всепринимающему Отцу леса. В одну из ясных лунных ночей, томимая жаждой исповеди, она, выскользнув тихонько из дому, направилась к заветной поляне – маленькому цветастому подиуму, что напоминал ей театральную сцену.

Вокруг царственного платана потоками струилось холодное свечение, цветы сложили свои хрупкие лепестки, листва не колыхалась – лес спал. Она подошла к огромному дереву и обняла его, прижимаясь щекой к шероховатой коре.

– Что стряслось, Госпожа, – раздался у нее в голове родной голос.

– Я должна покинуть вас на какое-то время, – отвечала она. – Меня ждет опасное и непредсказуемое мероприятие, и я боюсь, что оно может стать последним в моей жизни. Но я должна решиться на него.

– Раз должна значит действуй, Госпожа, лес будет ждать.

– Но, что же случится со всеми вами, если я не вернусь?

– Ответ ты и сама знаешь, – печально ответил Отец леса.

Дея еще долго стояла на посеребренной лунным светом поляне, плакала, улыбалась чему-то, снова плакала, потом поцеловала шершавую кору и побрела в дом.

Зажатая в тески собственной одержимости, до этой ночи она еще пыталась сопротивляться своему внутреннему возгоранию, но теперь Деи было очевидно – она поставит на кон все что угодно, лишь бы разыграть свой гамбит.

Не задерживаясь ни секунды в гостиной, она направилась в спальню. Ян спал, уткнувшись лицом в ее сорочку. Дею трогало его щенячье обожание и легкий налет фетишизма, но она уже начинала понимать, что сила Яна велика и, не смотря на его любовь, она ломает ее.

Проникая в нее словно вирус, он заражал своей жадной жизни и могучей, животной неистовостью.

Она ненавидела себя за слабость и за нечестность по отношению к Яну. Он принимал их безотказность за любовь, она же видела истинную суть этой юношеской невоздержанности. Но всего раз, ощутив безвольную негу в его объятиях, она уже не могла противиться его воле. Раздевшись, она легла рядом с ним. Ян тихонько сопел, по-детски приоткрыв рот. Он был безмятежен и счастлив в своем неведении. Дея легонько погладила его по щеке, он дернулся и открыл глаза.

– Ты пришла, – протянул он сонно.

Ей вдруг невыносимо захотелось еще раз испытать тот невероятный полет, что был неотъемлемой частью их близости. Кто знает, чем закончится ее сумасбродная идея, может она видит его в последний раз, так пусть он будет незабываемым. Она скользнула к нему юркой лаской и Ян, обладающий невероятной способностью улавливать ее настроения, мгновенно отреагировал.

В эту ночь она была с ним особенно нежной, ее томные, обморочные ласки не прекращались пока бурная энергия молодости была ключом.

Они уснули, когда ночь уже была готова сдать себя новому, нарождающемуся дню, а через пару часов пробудились. Яна ждали обязанности Сагорты, а Деи предстояло принятие непростого решения: для того чтобы осуществить задуманный план, она должна была поступиться гордостью и просить помощи у Родмилы. Этот последний шаг, на который Дея никак не могла решиться, и оттягивал роковой день.

Пока Ян насвистывая гимн Багорты, принимал ванну, она, расчесывая свои волосы перед небольшим зеркальцем в уборной, раздумывала, как ей отыскать дом Ведуньи.

– Все-таки удивительное место наш Багорт, – разглагольствовал Ян, подливая в ванну горячей воды, – Я даже не представляю, что бы с нами было, останься мы там откуда пришли. Никаких тебе чудес, никаких перспектив, а главное, мы там были абсолютно одни, а здесь... – он мечтательно закрыл глаза, намыливая голову душистым мылом.

– Да, Багорт сильно отличается от нашего прежнего дома. Но ты упускаешь одну немаловажную деталь – здесь, как и на Земле, живут люди.

– Но это же люди Багорты.

– Да, люди Багорты и все же, они просто люди. А все, что касается людей, не бывает однозначным.

– Зато Веды очень даже могут быть однозначны.

– Не говори глупостей.

– Скажешь Ихаиль не урод?

– Скажу, что он наш враг, но это не означает, что у себя дома он не герой. И вообще, что за нелепые ярлыки.

– Это не ярлыки, Дея – это факт. Ты в отличие от них, не раздумывая, отдашь жизнь за свой лес и за Багорт, а они пока все не взвешают, решения не примут.

Твердолобость Яна разозлила Дею, в ней словно нажали какую-то кнопку и разжатой пружиной вытолкнулось наружу все то, что долгое время угнетало девушку.

– Да как же ты не поймешь, Ян!? – вскричала она. – Мы всего лишь рабы крови! Генетические уроды! Машины для службы если хочешь. Нам воздают почести и окутывают ореолом благородства, чтобы поменьше думали о том, что мы ограниченнее в выборе жизни любого крестьянского ребенка, а вся наша хваленая магия принадлежит Багорту! За его пределами мы просто люди, одинокие и никому не нужные люди. А сущность Ведов, в отличие от наших, неизменна. Они не являются ни чьим оружием и у них есть то, чего нет ни у одного Хранителя – право выбора. Все, кто служат Багорту, отдали ему свои силы добровольно и в Великой войне

на смерть шли сознательно, а не по зову крови! И ответственность их выше нашей, а наказания суровой. Задумайся об этом на досуге, – уже спокойней договорила Дея и вышла из ванной.

Она спустилась вниз и, накинув плащ, вышла на улицу, в надежде найти в жертвеннике что-нибудь съестное. Баночка меда и отрез отличного ситца были ей сегодня подарком. Повертев лавандовую ткань в руках, Дея вздохнула, подумав, что она может ей и не пригодиться, затем приоткрыла крышечку и попробовала мед.

С тех пор как она приняла решение осуществить свой план, ее не покидала мысль, что это приключение ей дорого обойдется. Но выпущенная стрела траектории не меняет. Правда, чем ближе она подбиралась к возможности осуществить задуманное, тем больше ею овладевала холодная рассудительность.

Заварив бодрящий травяной сбор, она нашла в кухне остатки хлеба и, обильно смазав их медом, накрыла на стол как раз в тот момент, когда Ян спустился вниз.

– Ты в порядке? – спросил он, усаживаясь рядом с Деей и приобнимая ее за плечи.

– Все хорошо, – прошептала она, протягивая Яну чашку ароматного чая.

Завтрак прошел в тягостном молчании. Дея хотела поговорить с Яном, может быть даже попрощаться, но мысли никак не желали облекаться в слова, а когда она услышала, как на ее крышу приземлилась Маюн, сердце ее замерло, пропуская удары.

«Сейчас он уйдет, и я опять останусь наедине со своей одержимостью», – подумала Дея, понимая, что сегодня она все же решиться на поход к Родмиле.

– Кажется мне пора, – извиняясь, проговорил Ян и встал из-за стола.

– Да, – механически отреагировала Дея, тоже медленно поднимаясь, – Я тебя провожу.

Как только Ян ушел, она наскоро переоделась в свое самое скромное платье и, скрывшись под неприглядным шерстяным плащом, вышла из дому.

Отыскать дом Родмилы оказалось не трудно. Еще на подъезде к городу ей повстречалась торговая повозка, погонщик – крючконосый, шустроглазый мужичонка, охотно разъяснил «прекрасной», как он выразился Госпоже, как отыскать дом Веды. Она жила на самой границе города, ближе к стене, где прятались в густой тени деревьев немногочисленные дома Ведов, ее был самым ярким, обильно украшенным резьбой.

Дея отпустила Дорену в поля, зеленеющие еще по-летнему сочной травой, а сама побрела вдоль городской стены к противоположной стороне Мрамгора.

Окраины города не отличались особенно вычурной роскошью, дома были приземистыми, в основном глиняными, цветные окна встречались крайне редко, зато растительности было в разы больше чем в помпезном центре столицы. Этими-то кустистыми и тенивыми тропами Дея и пробиралась к заветному дому Родмилы.

Она узнала его, как только показался нарядный, многоцветный фасад, но хозяйки не оказалось дома и Дея, пристроившись на резное деревянное крыльцо, стала дожидаться ее возвращения. Она с терпением, одержимого просидела у порога Родмилиного дома до самого вечера. В конце концов, ее ожидания были вознаграждены; в стущающихся сумерках, на узкой тропке, показалась знакомая фигура. Дея встала с крыльца и внутренне подобравшись, встретила твердый, недобрый взгляд Веды улыбкой.

Фарфоровое сердце

Бросаться в пучину действительно сильных чувств, не биться только не покалеченная до времени юность. Люди, обремененные печальным опытом, остерегаются этих сумасшедших всплесков, способных повредить рассудок. У них уже чересчур отлажено работает механизм самосохранения, не позволяющий ввязаться во что-то более значимое, чем пошлая интрижка. Так они и разрываются между желанием любить и желанием жить, забывая, что любовь и есть жизнь.

Уйти в работу, погрузиться в новые исследования и ни в коем случае не пускать на порог ни одной девки – вот лучший способ забыться, думал Влад. Он слишком хорошо знал, к чему может привести его неспособность контролировать себя. Ему было доподлинно известно, как легко заблудиться в тумане мечтаний и мраке вожделий. Но неутомимая фантазия услужливо подкидывала все новые и новые видения любострастия. Он терял здравый смысл, напоминая себе мечущегося в загоне жеребца. И эти утомительные грезы разума сводили сума, а пытка хоть и была воображаемой, становилась несносной.

Влад работал с удвоенной силой, но на поверку ничего путного из этих сублимированных плевков не выходило, что повергало его в еще большее бешенство. Он хотел заставить бурлить и клокотать энергетические потоки по его прихоти, но пока бурлило и клокотало лишь все его естество. А причиной всему был страх. Впервые в жизни мраморный Влад испытал это щеко-чущее, тормозящее чувство. И все из-за нее – нежной, хрупкой с виду девушки, нарушившей заплесневелые устои законодательств и негласных правил Багорта. Она раскрывалась перед ним словно розовый бутон, и там – в сердцевине, на бархатной подкладке из пылицы оказалась головка маленького, но хищного дракона. И стоило Владу сунуть нос в этот ароматный бутон, как его тут же опалило пламя ненависти.

Но пугало его не это пламя, а то, что оно ему нравилось. Ему было плевать, что эта своевольная, стихийная девушка может его покалечить. Он хотел ее всю, а более всего ее сердце. О, Ула! Она распознавала такие вещи безошибочно и была абсолютно права в своих догадках. Сердце Деи – вот его истинная страсть. И как бы он не старался отсрочить свое падение в бездну чувственных недугов, одно ему было известно наверняка – долго он не продержится.

Отец застал его за работой. Влад сотрясал дом энергетическими потоками, которые проходили сквозь него раскатами и завываниями. Несчастное строение содрогалось, и не понятно было как оно еще не обрушилось, погребая под свои обломки самого Веда. Он был истощен и мертвецки бледен, волосы свисали сальными патлами, и даже всегдашний цвет на его щеках сошел, оголяя остроту скул.

– Ты должен прекратить эксперименты с этими энергиями, – сказал Вайес вместо приветствия. – Они медленно убивают тебя.

– Меня убивает каждый прожитый день, – неохотно отозвался Влад, не оборачиваясь. – И поверь, эти эксперименты по сравнению с другими более-менее безобидны.

– Какие еще опыты ты ставишь? – с тревогой спросил Вайес.

– Всегда одни и те же, отец, – говорил Влад лениво, – над самим собой. Хочу знать, где границы человеческих возможностей.

– Ты постоянно забываешь, что ты не просто человек – ты Вед. – Вайес тяжело вздохнул. – Порой мне кажется, что для тебя границ и впрямь не существует.

– У всего в физическом мире есть границы. Тебе ли об этом не знать, – проговорил Влад, повернувшись, наконец, к отцу.

– Так ставь эксперименты на кроликах! – вскричал глава Мрамгора, встретив измученный взгляд сына.

Влад устало кивнул ему, но ничего не ответил.

– Тебя не интересуют другие. Ты всегда был занят изучением только себя самого.

– Что поделаться, – пожал он плечами, – лучшую кандидатуру для исследований, я пока не нашел.

– А как же Дея? – поинтересовался Вайес и в этот момент в его глазах заалел злой уголек.

– Ты предлагаешь ставить мои опыты на ней?

– Но можно же обойтись и без практических экспериментов и анализов. Тем более что ты уже их на ней и так поставил предостаточно, – добавил он тише. – Используй метод наблюдения. Она достойный объект для изучения.

Брови Веда сошлись, глаза полыхнули огнем, он уселся прямо на землю и, облокотившись о дерево, заговорил:

– Отношения двух людей похожи на взаимодействие диких энергий. Это соитие изменяет их, иногда до неузнаваемости. Но вот пакость, даже в этом совместном опыте нас интересует лишь то, как меняемся мы сами. Увлеченные собственными метаморфозами, мы зачастую оставляем без внимания то, что вступивший с нами в реакцию человек, тоже преобразуется. Парадокс в том, что когда мы узнаем своего избранника лучше, превращение уже случилось. Я вот думаю, не исчезает ли то, что изначально и привлекло нас? Как думаешь, отец, чем меня Дея зацепила?

– Тем, что еще и не проявилось, и ты это прекрасно знаешь. Слишком много думаешь. Твой разум ни на минуту не дает тебе покоя. Боюсь, как бы он не сыграл с тобой злую шутку.

– Да-а-а, он подшучивает надо мной ежедневно и шуточки его и впрямь бывают недобрыми, – Влад криво усмехнулся.

– Почему бы тебе... – Вайес не договорил, вздохнул.

– Что? Стать нормальным, обычным парнем, влюбленным в необыкновенную девушку? Эта роль в нашей мелодраме отведена Яну.

– Может Ян и обычен, но мне кажется, он чаще тебя бывает счастлив.

– Может и так, – согласился Влад, – но золоту не суждено стать оловом.

Вайес утомленно покачал головой и развернулся, чтобы уйти, но сделав пару шагов, остановился и, посмотрев на сына в упор, сказал:

– Сегодня утром была взломана темница твоей матери.

Влад порывисто вскочил, ленивая меланхоличность сменилась тревожным недоверием, а в черном взгляде застыл немой вопрос.

– Она обменяла себя на твою мать, – проговорил Вайес.

Тягучая, вязкая одурь сковала Влада. Он ощутил себя пауком, запутавшемся в собственных сетях, липких, слизких, омерзительных. А Вайес тем временем вливал в него слова, которые доносились до Веда откуда-то издалека.

– Сначала мне казалось, вы готовы весь мир поставить с ног на голову, заставить звезды осыпаться, а луну с солнцем поменять местами, только бы почувствовать хоть толику того, что испытывают обычные люди. Но потом я понял, что вы оба готовы сделать все это и много больше, но по другой причине. В вас кипит вулканическая лава, и ни вы сами, ни кто либо еще не в силах предотвратить извержения. Пока вы мучаете друг друга, Багорт в опасности. Это я тебе как Верховный Хранитель говорю.

Влад стоял и пытался слушать, впрочем, плохо понимая смысл. Отдельно ухваченные слова, упорно не желали выстраиваться в логическую цепочку. Он сделал последнее усилие, и в этот миг нем что-то надорвалось, треснуло, надломилось и неуклюже покосившись, стало медленно обваливаться. Воздвигавшийся долгими годами заслон, рушился как песочный замок, превращаясь в бесформенную грудку нелепо сваленных, стремлений, ограничений, опасений, компромиссов и запретов. Белое, тонкое лицо его обессмыслилось, когда сквозь эту мысленную дамбу прорвался столь долго сдерживаемый поток. В этом потоке было все то, что когда-то чуть не убило юношу с фарфоровым сердцем.

Вайес подбежал к сыну и едва успел поймать обмякшее тело, прежде чем оно встретилось с землей.

Безумный день

Весь день в замке царила суматоха. С самого утра по коридорам сновала охрана, которая обычно работала столь аккуратно, что ее практически никто не замечал. Но сегодня мимо Яна пронеслось три десятка караульных и несколько Стражей, а в довершении ко всему, после обеда Ян видел главу Мрамгора в обществе начальника охраны. Они были не на шутку встревожены, Ян впервые видел Вайеса неспособного скрывать волнение. И никто ничего толком не мог объяснить. Охранники отмахивались, говоря, что ищут в замке Веда, а какого именно и сами толком не знают, Вайес же даже не сбавил шаг, когда Ян попытался его догнать и расспросить в чем дело. Верховный Хранитель то ли сделал вид, что не слышит оклика, то ли и впрямь был всецело погружен в разговор с начальником охраны.

Что происходило в замке после обеда, Ян не знал, потому как проводил с Маюн обычный осмотр вверенных ему территорий. Возвращаясь же в замок ближе к вечеру, он еще будучи в небе увидел, что неразбериха продолжается. У бокового входа, стояла повозка Вайеса и пара удалых молодцев выуживала из нее безвольное тело. Несчастного положили на носилки и быстро уволокли в замок.

«Ну и дела», – подумал Ян и решил-таки приставить к этому эскорту пару овсянок. Одно дело шпионить за главой Мрамгора и совсем другое за простыми исполнителями его указаний.

Через полчаса овсянки сообщили Яну о том, что бесчувственное тело принадлежало Владу. Его унесли в галерею с витражами и сокрыли в тайном проходе за гобеленом.

«Ну, что ж, видимо именно его и искали охранники», – подумал Ян, но все же решил спуститься к постам и проверить свою догадку.

Подойдя нарочито прогулочным шагом к северному крылу замка, у которого по-прежнему толпились служивые, он скучающим тоном спросил:

– Ну, что братцы, поймали Веда?

– Какой там, – отозвались те.

– В самом деле? – удивился Ян, – А кого хоть ловили-то, поняли, наконец?

– Если б знали, кого конкретно ловим, то может и толк был бы. А так ищем того не знаем кого, который убег туда не ведомо куда, – буркнул здоровенный детина в потертом кожаном нагруднике.

– А чего он натворил-то, этот таинственный кудесник?

– Да нам знаешь, не особо и рассказывают. Ведаем только, будто стряслось что-то в запретном крыле. Навроде как темницу там кто взломал. Да только кажется мне вздор это все и враки! – верзила смачно харкнул себе под ноги. – Что там в этих темницах делать-то, ими уж лет сто пятьдесят никто не пользуется, там окромя костей старых и искать-то нечего. Ты, Сагорт, лучше у Господина полюбопытствуй или у начальника стажи, если поймаешь, конечно. Они сегодня весь день бегают как ужаленные.

Окончательно сбитый с толку Ян кивнул и направился к замку.

«Что ж это получается, не Влада они искали, а другого Веда, а этот тут тогда откуда взялся? Ведь не случайное же это совпадение? – размышлял Ян. – А может Ихаиль объявился? Дея говорила, что он может снова к ним пожаловать, и тогда случиться непоправимое».

И как только он об этом подумал, им овладело тревожное чувство. Словно жадный голубь оно, склевывало последние остатки самообладания, и Ян помчался к конюшням. Его мысли в этот момент вращались только вокруг Деи. Он должен был уберечь свой нежный цветок от надвигающейся опасности, должен был запереть в лесу, пока не разберется в чем дело. Ян несся к Деи с такой скоростью, что чуть было не загнал бедное животное. Но лес не встретил его

никак. Холодный и мрачный он стоял словно погруженный в забытие. Ни звериного шороха, ни приветственного шелеста листвы, ни доносящейся песни русалок.

Подавленный каким-то древним суеверным ужасом, он осторожно ступил на широкую тропу. Луч от кристалла выхватил узкую полоску колеи, оставленную утренней телегой и еще немногочисленные следы. Яну показалась странной эта опустошенность и безлюдность, ведь с тех пор как прошел праздник Последней луны, в лес хаживало множество путников, а сегодня, судя по всему, почти никто не заглядывал.

Недоброе предчувствие гнало Яна к дому Хранительницы, а когда взмыленная лошадь чуть не пала у его крыльца, он понял – что-то произошло. Свет в окнах не горел, дверь была заперта. Ян барабанил по ней, пока не выбился из сил, потом вновь оседлав несчастную кобылу, кинулся к озеру.

На его зов пришла Божена, с ней еще насколько молоденьких Озерных дев. Оказалось, их Госпожа сегодня не появлялась. Девы были непривычно тихи и печальны. Дея всегда приходила к ним утром или вечером, как бы занята не была, иногда и по несколько дневных часов с ними проводила, а сегодня ни разу не показывалась. Русалки чувствовали – твориться что-то неладное, их Госпожа исчезала.

– Она не с нами, – говорила старшая дева, – мы всегда это чувствуем. Так уже однажды было, когда ее похитили еще ребенком. Она жива, но она не здесь и с каждым часом сердце ее, отдаляется от леса. Мы все слышим, что его биение слабеет.

Руки Яна до этого сжимающие поводья, опустились, а за руками неловко приземлилось на ближайший камень и все его могучее тело. Он сидел и тупо смотрел на воду. Тысячи нитей безволия связали его разум, сделали обездвиженным, безучастным, бесчувственным. Чуть было не начавшийся в нем пожар, словно бы потушили порошковым огнетушителем. И теперь в нем витал только белый порошок оцепенения, вытесняющий все прочие чувства.

– Найди нашу Госпожу, – послышался где-то в отдалении молящий голос.

Затуманенным взглядом он осмотрел озеро и не сразу понял, что мельтешение – это не морок, а множество девичьих головок показывающихся из-под воды и взирающих на него с мольбой и надеждой.

– Верни нашу Госпожу, Сагорт, верни ее, – шипели русалки, дергая его за полы плаща.

Он поднялся и, шатаясь, направился к лошади. С трудом преодолевая обрушившуюся на него усталость, он все же оседлал кобылу и пустился в замок.

Разыскать Вайеса, рассказать ему о пропажи Деи – это единственное, что сейчас приходило ему в голову. Но Верховного Хранителя у себя не оказалось, тогда Ян отправился к Горю, но и того не было на месте. Еша – его ассистент, сказал, что мастер с самого утра в скверном расположении, все куда-то бегаёт, кричит на сестер больше обычного и требует много странных составов, что он готовит по его личным рецептам, а еще шприцев. А к вечеру так совсем обезумел – волосы на себе рвал, чуть не прибил одну из сестричек за то, что медленно готовила снадобья, бегал по лаборатории и все бормотал, что кто-то с него голову снимет.

– А за что с него можно снять голову? – возмущался тощий ассистент. – Он гений! Светило врачевания! Да таких как он, вообще, больше может никогда уже и не будет. Вон как выглядит наш Верховный Хранитель – ему от силы лет сорок пять дашь, а он между прочем, седьмой десяток разменял! А все мастер Горий.

Ян не стал дальше слушать о заслугах лекаря перед отечеством, а выбежал из кабинета и устремился в свою башню. Там на тонкой жердочке его всегда дожидалось несколько дежурных овсянок. Велев им привлечь всех остальных пташек, он отдал приказ отыскать Вайеса, а сам отправился в комнаты Деи. Слабая надежда на то, что она может быть где-то в замке, все еще теплилась в нем. Конечно, он понимал, что если бы она просто была все это время в своих прежних покоях или у тетки Ведары, русалки бы так не тревожились, но сидеть и ждать когда его посланницы отыщут Вайеса было нестерпимо.

В комнатах оказалось пусто. На кухню она тоже давненько не заглядывала, оставалась библиотека, но до нее Ян не дошел. Овсянки известили о том, что глава Мрамгора сейчас спускается в запретное крыло. Не раздумывая ни минуты, Ян побежал туда в надежде перехватить Вайеса до того, как он переступит порог этого самого крыла.

Верховный Хранитель уже подходил к поредевшей горстке стражников, что толпилась у входа, когда Ян настиг его. Лицо Вайеса было скорбным и осунувшемся.

– А, Ян, хорошо, что ты здесь, – еле ворочал он языком. – У меня для тебя будут распоряжения.

Ян бестактно перебил своего Господина, выпалив на одном дыхании.

– Дея пропала!

– А-а-а-а, – протянул тот, – ты уже в курсе.

– Вы знали?!

Вайес вздохнул так глубоко, будто хотел перегнуть через свои легкие весь воздух Мрамгора.

– Ну, что ж, – сказал он, проходя сквозь охрану, – пойдем что ли.

– Да, что происходит-то? – не выдержал следующий за ним Ян.

– Сейчас сам все увидишь, – говорил Вайес, открывая одну дверь за другой. – А пока мы не пришли, пообещай мне, что как только ты получишь все объяснения, приступишь к своим обязанностям.

– Обещаю.

– Хорошо, – удовлетворился Вайес. – Когда вернешься из подземелья, вызовешь Маюн. Нужно будет установить усиленную охрану по всем границам, город и Синий лес охранять особенно тщательно.

– Что случилось?!

– У меня есть все основания полагать, что Ихаиль вернулся, – мрачно сказал Вайес.

– Отправьте меня на поиски, как в прошлый раз!

– Поисковая бригада уже собрана, ты нужен мне здесь.

– Но я боевой Сагорт! – возмутился Ян. – Я мог бы пригодиться при захвате Ихаиля.

– Чтобы захватить Ихаиля и сил нашего совета Ведов не хватит, а бросать на верную смерть единственного небесного Сагорта я не намерен, – металлическим голосом отчеканил Верховный Хранитель. – Мне нужна связь с Ведами, что рассеялись по всем окрестностям Мрамгора. Птицы – самый быстрый и надежный способ связи. Атаку на город или лес нельзя допустить ни в коем случае, поэтому ты будешь здесь и лично проследишь за охраной.

– Как скажете, – пробубнил Ян, понуро опуская голову.

Они прошли еще несколько коридоров, которые оказались пустующими камерами. Жуткие останки заключенных придавали этому заброшенному подземелью мрачно-готический вид.

– Мы почти пришли, – сказал Вайес, останавливаясь у тяжелой двери, которую охраняло двое Стражей.

– Зачем мы здесь?

– Ты искал Дею?

– Она что же, в заброшенной темнице? – ужаснулся Ян.

– Ты поразительно смекалист, – отозвался Вайес, пропуская Яна вперед.

В первое мгновение он испытал радость от того, что она нашлась. Но стоило ему приблизиться к огромному зеркалу, в котором колыхалось изображение его подруги, радость растворилась, словно ее выжгли кислотой, а заодно залили ею все его внутренности.

Дея парила в воздухе или, что там было за границей этой зеркальной глади? Сонный мутноватый лик смотрел на него нестерпимо печально и устало. Глаза почти смыкались, рот же

наоборот был безвольно приоткрыт, придавая ее лицу идиотское выражение. Руки болтались дохлыми змеями, ступни вытянулись, по-детски смотря друг на дружку.

– Дея, – позвал он слабым голосом, и веки девушки чуть заметно дрогнули. – Дея!

Он ринулся вперед, но наткнулся на незримую преграду и расшиб лоб.

– Проклятье! Что за выдумки!

– Это не выдумки, Ян, – Вайес подошел к парню и с силой сжал его локоть. – Возьми себя в руки. Вспомни, что ты мне обещал.

– Но что... Где... Это же не она? Это ошибка, чья-то гнусная шуточка, – лепетал Ян, пытаясь выдернуть из своей головы клочок волос.

Вайес с силой тряхнул его за плечи.

– Да приди же ты в себя, наконец! Это не шутка, а самая лучшая в мире темница созданная для Веды.

– Для какой Веды? – медленно произнес Ян.

– Для Мориты Карий?

– Ага! – взревел окончательно ошалевший Ян. – Я знал, знал, что этого уroda неспроста привезли сегодня в замок! Это он, он все подстроил. Здесь жила в заточении его мать, а он поменял ее на Дею!

– Остановись! – властно гаркнул Вайес. – Влад здесь ни причем, я лично его проверял, а в замке он оказался, потому что ему требуется помощь Гория.

– Надеюсь, лекарь окажется бессилён, – с легким сумасшествием в голосе прошептал Ян.

– Не говори так, он переживает не меньше твоего.

– С трудом верится, что он на это способен.

– Твоя ревность сейчас не уместна, – холодно одернул заносчивого парня Вайес. – Влад нам теперь нужен как никогда. Он и его мать, единственные Веды способные противостоять Ихаилу. Остальные наши чародеи – дети по сравнению с ними.

– Это Ихаиль произвел обмен?

– Больше никому. Думаю, он убедил Дею сделать это добровольно, – проговорил Вайес, доставая из-за пазухи смятый листок. – Ума не приложу, как он смог убедить Хранителя, оставить свой многострадальный лес, – глава Мрамгора протянул Яну листок.

На жеваном пергаменте было начертано размашистым Деиным почерком всего три слова: «это моя воля».

Ян опустился на пол и схватил себя за голову. В памяти всплыл рассказ Деи о матери Влада, которую хотели осудить на смерть, но благодаря Вайесу она получила пожизненное заточение. Теперь на ее месте была Дея. Его Дея! И Ян вдруг почувствовал злость на Вайеса.

– Думаю, ее не сложно было убедить, – проговорил он вполголоса. – Она сочувствовала Морите, считала наши законы излишне суровыми, а в довершении ко всему тяготилась участью Хранителя. Поначалу я думал, что она счастлива среди своих деревьев и русалок. Она отдавалась лесу без остатка. Но потом, она как-то вспылила на ровном месте, и я узнал, что она на самом деле о нас думает, – он поднял на главу Мрамгора потемневшие глаза. – Вайес, она считает нас генетическими уродами, марионетками, которые созданы для слепой службы. Ей была мучительна мысль, что она не может выбрать себе другую судьбу, что обречена быть Хранителем, хочет она того или нет. Теперь-то я понимаю, почему Дея тогда сорвалась. Она делала выбор между своими обязанностями и еще чем-то. Разве она не должна быть безоговорочно предана своему лесу?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.